

Михаил Палев

Копье Дракулы



Михаил Палев
Копье Дракулы
Серия «Артефакт-детектив»
Серия «Частный сыщик
Валерий Тавров», книга 7

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=332752
Копье Дракулы: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43100-7

Аннотация

На глазах у литератора Мечислава Булгарина убивают бывшего однокурсника Шергина, а вскоре Булгарина и его друга, детектива Таврова, нанимает неизвестный клиент для расследования гибели ученых-исследователей, занимавшихся поисками легендарного копья Дракулы. Старинное копье принадлежало Владу Дракуле и даровало его владельцу победу над врагами. Приступив к делу, Тавров выясняет следующее: один из погибших ученых недавно был в Москве, где встречался с неким диггером Шерханом, который якобы нашел копье вместе с другим старинным оружием в подземельях Москвы. Причем оказалось, что Шерхан и убитый однокурсник Мечислава – Шергин – одно лицо!..

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Пролог | 4 |
| Глава 1 | 10 |
| Глава 2 | 30 |
| Глава 3 | 58 |
| Глава 4 | 83 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 85 |

Михаил Палев

Копье Дракулы

*Посвящаю светлой памяти безвременно
ушедшего от нас великого русского актера
Владислава Галкина*

Пролог

Сережку Шергина я не видел лет пять. Если быть точным, то около четырех: последний раз мы с ним виделись на юбилее выпуска нашего институтского курса. Мы обменялись телефонами и благополучно забыли друг о друге. И вдруг на прошлой неделе Шергин сам позвонил мне.

– Привет! Нормально добрался? – бодро поинтересовался он, как будто мы только вчера расстались. Я не узнал бы его по голосу, но тогда, четыре года назад, я внес его телефон в список контактов, обозначив его как «Шерг». Сейчас, взглянув на высветившееся на экране мобильного слово «Шерг», я сразу понял, кто это.

– Привет, Серег! – ответил я как можно бодрее. – Нормально добрался.

Хотя, честно говоря, я смутно помнил, как и куда я добрался после того юбилея: время стирает подробности.

Впрочем, если я не помню, как добрался домой после юбилея четыре года назад, то это означает лишь то, что я добрался без приключений. К тому же совершенно очевидно, что Серега спустя четыре года звонит вовсе не для того, чтобы это узнать. Поэтому я не стал акцентироваться на данной теме и продолжил разговор банальным вопросом:

– Как сам?

– Лучше всех! – заверил Шергин. – Я на днях с женой развелся, так что сейчас мне лучше всех вас, жалких женатиков!

Хм! Спорный тезис. Но в голосе Шергина звучало столько неподдельного ликования, что я воздержался от возражений.

– То есть тебя можно поздравить? – поинтересовался я.

– Что значит «можно»?! Нужно! Хочу тебя пригласить в ресторан это дело отметить! – сообщил Шергин. – Правда, времена тяжелые, но выпивка вся за мой счет. А уж закусь – на твое усмотрение! Ну, как?

– Да вроде как-то странно, так вот публично отмечать развод, – несколько растерявшись от неожиданного предложения, заметил я.

– Почему странно? – возразил Шергин. – Как раз странно отмечать бракосочетание. Нормальный человек должен отмечать не арест, а освобождение из тюрьмы!

И он, довольный, заржал своей шутке. Хотя шутка была не его, а заимствованная из какого-то фильма. Точно из фильма, только не помню, из какого. Впрочем, неважно. Разумеется, я рад был разделить радость однокашника и охотно со-

гласился. Тем более что выпивка на халяву не может не радовать сама по себе любого, кто употребляет напитки крепче кефира.

Знай я в тот момент, чем закончится наша встреча, я без колебаний отказался бы под любым предлогом.

* * *

Шергин назначил встречу в «Елках-палках» на Серпуховской. Мне было очень удобно: прямая линия от Алтуфьево, ресторан непосредственно возле выхода из метро. Из закусок можно сразу взять «телегу» и целый вечер неограниченно «закусывать» всего лишь за триста пятьдесят пять рублей. Замечательно!

* * *

Я приехал точно в назначенное время, поскольку прямая ветка метро сводит вероятность разного рода транспортных задержек к минимуму. Войдя в ресторан, я сразу увидел Серегу: он сидел за столиком на троих возле окна и прямо напротив туалета. Очень удобно! Серега тоже увидел меня, привстал и помахал мне рукой. Я сделал шаг в его сторону, и тут огромное оконное стекло рядом с Серегой с треском раскололось. Я вначале даже не понял, в чем дело. И только

когда раздалась вторая автоматная очередь, а Сережка Шергин вместе со стулом повалился на пол, до меня дошла кошмарная суть происходящего.

Шергин еще не коснулся пола, как все кругом принялись орать и визжать. Кто-то упал, кто-то пытался бежать, многие лезли под столы. Большой зал был отделен от входа и закутка перед туалетом барной стойкой, и те, кто увидел, что произошло, кинулись туда. Человека три-четыре, которые были поближе к дверям, попытались прорваться сквозь двери наружу. В своей жажде безопасности они буквально снесли меня в сторону. Я упал на четвереньки метрах в пяти-шести от лежащего на полу Шергина. Он еще шевелился, изо рта текла кровь. В этот момент стрелявший вошел внутрь прямо через оконный проем. Одет он был в черные брюки, черную кожаную куртку, на голове черная вязаная маска с прорезями для рта и глаз. В руках стрелок держал автомат «АКМС» – то есть обычный автомат Калашникова, но со складным прикладом. Я боялся встретиться с ним глазами, но стрелок даже не посмотрел в мою сторону. Он выстрелил в голову Шергина короткой очередью. Пули разбили Шергину череп, взметнув осколки костей, брызги мозга и крови. Я впал в какое-то жуткое оцепенение: стоял на четвереньках, словно изваяние испуганной антилопы, и смотрел на все это.

Стрелок поднял с пола лежавший рядом с телом Шергина черный планшет из кожаменителя и вышел обратно на улицу через оконный проем. Я успел заметить, что он напра-

вился не к входу в метро, а в сторону Зацепы. Он не бежал, а спокойно шел, в по-прежнему надвинутой на лицо черной балаклавке, с планшетом в одной руке и автоматом в другой.

Когда убийца исчез из вида, до меня вдруг дошло, что все закончилось, и я встал с четверенек. В ушах звенело, перед глазами расплывался странный желтый туман. Я понял, что сейчас грохнусь в обморок, но в этот момент увидел на барной стойке полупустую бутылку коньяка. Добравшись до цели в два прыжка, я схватил бутылку и влил в себя не меньше стакана. Хлынувший по пищеводу огненный водопад привел меня в чувство, обморок отступил. Я поставил на стойку бутылку и увидел безумные глаза забившегося в угол бармена.

– Ты уже позвонил в милицию? – спросил я у него. Тот молча таращился на меня. Я хотел взять телефон со стойки, но в этот момент услышал, как в большом зале кто-то истеричным фальцетом – даже не понять, мужчина или женщина – орет:

– Милиция! Алло, слышите?! Милиция! Нас тут убивают!!!

Похоже, уже звонят. Ну и ладненько! Я допил остатки коньяка из бутылки и швырнул ее в угол. Остается только ждать ментов. Блин, а ведь придется опознавать Шергина! Я вспомнил, что осталось от Серегиного лица, и мне снова стало нехорошо.

– Коньяка мне! «Лезгинку», – сказал я бармену.

– А он ушел? – спросил бармен, заикаясь.

– Если ты имеешь в виду стрелка, то давно уже.

Бармен приободрился, снял все еще дрожащей рукой бутылку «Лезгинки» с полки, плеснул в бокал и деловито сообщил:

– С учетом того, что вы выпили из предыдущей бутылки, с вас одна тысяча четыреста восемьдесят пять рублей.

Вот сволочь!

Глава 1

Когда ждешь важный телефонный звонок, то самым раздражающим является не душераздирающее молчание телефонного аппарата, а то, что тебе принимают за названивать люди, звонка от которых ты совсем не ждешь.

Я ждал важного звонка от менеджера страховой компании. Недавно я уволился из фирмы, оформившей на меня договор пенсионного страхования, и теперь жаждал получить набежавшую за этот период сумму. Кризис наложил неизгладимый отпечаток на всех нас: если раньше мы с надеждой смотрели в будущее, то теперь еще долго будем с опаской в него вглядываться. Особенно травмированным оказалось мое поколение: Хрущев обещал нам коммунизм к 1980 году – Брежнев заменил коммунизм на Олимпиаду. И это оказался не самый худший вариант! Щедрая душа, Михаил Сергеевич Горбачев, обещал каждой советской семье отдельную квартиру к 2000 году – в результате мы лишились сбережений, Отечества и веры в светлое будущее в принципе. Слава богу, хоть имевшуюся жилплощадь сохранили! Когда мою страховую компанию от банкротства спасли щедрые денежные вливания американского правительства, я решил больше не искушать судьбу: до пенсии мне еще далеко – и если правительство увеличит пенсионный возраст, то будет еще дальше, – а кризис явно не последний и в следую-

ший раз американское правительство может оказаться уже не таким щедрым. Короче, воспользовавшись подходящим пунктом договора – раз в кои-то веки в договоре нашелся пункт в мою пользу! – я решил расторгнуть договор и получить далеко не лишние в наши тяжелые времена деньги.

И вот сегодня я ждал звонка от менеджера с сообщением о переводе денег, чтобы дальше трясти неспешную черепаху под названием Сбербанк. Когда телефон наконец зазвенел и я торопливо схватил трубку, то нетрудно представить мое глубокое разочарование, стремительно переходящее в острое раздражение. Звонил Тавров.

– Добрый день, Слава! – сказал он.

– Приветствую вас, Валерий Иванович! – отозвался я, испытывая непреодолимое желание послать старого сыщика к черту. Я уже собрался попросить его перезвонить позже, хотя бы после шести, когда в страховой компании закончится рабочий день, но Тавров перешел к делу. При первых его словах мое раздражение быстро начало превращаться в настороженность.

– У меня к тебе есть дело, – сказал Тавров. – Похоже, что придется вместе поработать.

Вроде бы ничего плохого: когда я последний раз принимал участие в расследовании одного дела вместе с Тавровым, то мне удалось провести пару дней на роскошной яхте типа «Абрамович отдыхает». Если бы не это дело, я бы никогда в жизни не смог бы подняться на борт этой яхты даже в ка-

честве стюарда. С другой стороны, эту яхту собирались затопить вместе со мной посреди Средиземного моря и лишь по чистой случайности столь печального события не произошло. Так что овладевшая мной настороженность вполне понятна.

– Дела меньше чем на миллион не рассматриваю! – мрачно пошутил я. Однако Тавров обычно был чужд юмору и на этот раз себе не изменил.

– Хорошо, о гонораре договоримся при встрече с клиентом, – невозмутимо согласился Тавров.

– Вы готовы заплатить мне миллион? – не поверил я своим ушам. – Может, еще и в евро?

– Можно и в евро, – отозвался без тени юмора в голосе Тавров. – Как скажешь! И оплата расходов, само собой.

– Валерий Иванович, мне не до шуток! Я важный звонок жду! – рассердился я и собрался повесить трубку, но Тавров не менее раздраженно отозвался, повысив голос:

– Какие шутки, Слава?! Это условие клиента: он заключит со мной договор, только если ты будешь участвовать в деле.

– Я? – растерявшись, переспросил я.

– Ты, – подтвердил Тавров и, не удержавшись, едко добавил: – Разумеется, если ты до сих пор еще Булгарин Мечислав Мстиславович. Короче, подъезжай к семи вечера в ресторан «Луизиана», что на Пятницкой. И постарайся не опаздывать: клиент очень серьезный!

Клиент оказался белесым немцем по имени Фридрих Шмидт, отлично говорившим по-русски. Очень светлые, редкие и в то же время кудрявые волосы, бледно-голубые глаза и очень белая кожа создавали впечатление общей белесости. И говорил он как-то тихо для немца, хотя мое впечатление о шумных горластых немцах создалось в основном из расхожего образа немецкого туриста. К тому же, как сразу выяснилось, он вовсе не был клиентом, а всего лишь представлял интересы какого-то американца, пожелавшего остаться неизвестным. Впрочем, он имел все полномочия для заключения договора с частным детективом и оплату необходимых расходов. Прояснив ситуацию, белесый Шмидт тут же попросил меня предъявить документы.

– Какие документы? – удивился я. – Разве недостаточно того, что меня представил господин Тавров?

– Недостаточно, – лаконично отозвался Шмидт. – Я должен посмотреть ваш внутренний паспорт гражданина Российской Федерации для твердой уверенности, что именно вас имел в виду мой клиент.

Я недоуменно взглянул на Таврова, но тот лишь пожал плечами. Я достал из кармана паспорт и передал Шмидту. Честно говоря, фотографию на паспорте я считал неудачной и полагал, что не очень похож на свое изображение, но

Шмидт даже не стал вглядываться в фотографию. Он слил паспортные данные с тем, что было написано на бумаге, которую он извлек из папки. Видимо, все совпало: Шмидт удовлетворенно кивнул и вернул мне паспорт.

– А откуда у вас мои паспортные данные? – с подозрением поинтересовался я, пряча паспорт в карман.

– Они переданы мне клиентом, – ответил Шмидт.

– А откуда мои паспортные данные знает ваш клиент? – продолжал наседавать я. Действительно: вдруг это какой-нибудь аферист? Может, на меня уже тайком оформлен кредит или, не дай бог, подставная фирма?

– Я не знаю, – кратко отозвался Шмидт. – Клиент передал мне ваши данные, чтобы я мог убедиться, что передо мной именно тот господин Булгарин, который должен – по мнению моего клиента – принять участие в расследовании. И почему вы должны участвовать в расследовании, знает только мой клиент. Но он не счел необходимым поделиться со мной своим знанием.

– Давайте, господа, вернемся к цели нашей встречи! – решительно вмешался Тавров, неодобрительно покосившись в мою сторону. – Я не сомневаюсь в ваших полномочиях, господин Шмидт. Я, безусловно, признаю право клиента на анонимность и законного посредника. Я знаю, что вы представляете весьма уважаемую берлинскую адвокатскую фирму и не имею оснований для каких-либо сомнений. Поэтому предлагаю перейти к предмету договора.

– Хорошо! – охотно согласился Шмидт. – Я уполномочен моим клиентом предложить вам провести частное исследование. Речь идет о гибели людей, занимавшихся исследованиями по заказу моего клиента. Буквально в течение месяца погибли или бесследно исчезли при странных обстоятельствах трое из четырех человек, непосредственно занимавшихся этими исследованиями. Мой клиент убежден, что это не случайность.

– Вы можете нам сказать, какого рода исследованиями занимались эти люди? – спросил Тавров.

– Поскольку мой клиент убежден, что именно эти исследования и послужили причиной загадочных смертей, я могу сообщить вам все интересующие вас подробности при условии полной конфиденциальности, – проинформировал Шмидт.

При известии о том, что сейчас я буду посвящен в тайну, из-за которой, по всей видимости, уже погибли три человека, мне стало нехорошо. Судя по всему, мои чувства столь явственно отразились на моем лице, что Шмидт счел необходимым пояснить:

– Разумеется, работа связана с определенным риском, и потому мой клиент готов щедро оплатить ваши услуги, господа!

– И о какой сумме идет речь? – спросил Тавров и, бросив взгляд в мою сторону, не удержался:

– Господин Булгарин хочет за свои услуги получить мил-

лион.

– К сожалению, господа, эта сумма выделена моим клиентом в качестве вашего общего гонорара, – озабоченно заметил Шмидт. – Впрочем, вы можете привлекать разного рода экспертов, и их услуги будут оплачены отдельно, как накладные расходы. Но эти расходы должны быть подтверждены документально. Поймите меня правильно, господа: на этом настаивает мой клиент.

– Ваш клиент, как я понял, американец, – решил уточнить Тавров. – Он будет платить долларами?

– Поскольку платить буду я, то мне удобнее это делать в евро, – ответил Шмидт. – Конвертация такой значительной суммы в рубли может вызвать нежелательный интерес, поэтому сумма гонорара будет переведена на ваши счета в евро.

Хм... А сколько будет миллион рублей в евро? Какой у нас нынче курс? И я спросил:

– Сколько это будет в евро?

– Я же сказал, что миллион, – отозвался Шмидт.

У меня не отвалилась нижняя челюсть лишь потому, что я предусмотрительно оперся ею на руку. Полмиллиона евро! Даже с вычетом налогов – хвала плоской шкале налогообложения! – получается сумма, вполне достаточная для покупки уютного домика на берегу теплого моря, где я смогу полностью отрешиться от проблемы зарабатывания куска хлеба и целиком отдаться процессу творчества.

Мои сомнения и опасения улетучились, словно их и не

было. Я почувствовал прилив энергии. Давай, немчура, продолжай!

— Мой клиент считает правильным ввести вас в курс дела до заключения договора, чтобы вы могли оценить издержки и допустимость риска, — занудно продолжал Шмидт. — В случае вашего отказа от заключения договора вы должны забыть все, о чем услышите.

— Если только речь не идет о сокрытии преступления, — предусмотрительно оговорил Тавров. Немец согласно кивнул и продолжил:

— Итак, вот предыстория дела. Два года назад мой клиент нанял известного специалиста в области истории профессора Эндрю Харриса для поисков одного артефакта. В свою очередь, профессор Харрис нанял трех человек, которые должны были непосредственно заниматься этим делом на местах, а профессор Харрис взял на себя роль координатора и аналитика. Непосредственными поисками артефакта занимались следующие люди: доцент факультета истории и культурного достояния церкви папского Григорианского университета доктор Винченцо Паоли; преподаватель истории Бухарестского университета доктор Ион Георгеску; специалист по исследованиям Средних веков Брауновского университета доктор философии Роберт Причард.

Шмидт сделал паузу, чтобы выпить минеральной воды из стакана. Настоящий немец должен пить пиво, но Шмидт пил только воду: он даже от кофе отказался, поэтому его нацио-

нальную пивную обязанность мы с Тавровым взяли на себя. Впрочем, если быть точным, то мы пили не пиво, а превосходный английский эль «Ньюкасл». Воспользовавшись паузой, я поделился соображениями:

– Григориана говорит сама за себя; Брауновский университет, если я не ошибаюсь, входит в объединение престижнейших университетов Америки – Лигу Плюща; да и университет Бухареста вроде отметил столетие. Получается, что профессор Харрис выбрал лучших специалистов в своей области: во всяком случае, из известных учебных заведений. Кстати: раз речь идет о Григориане, то артефакт имеет отношение к христианским реликвиям?

Зануда-немец вначале поправил меня, сообщив, что сто пятьдесят лет университету Бухареста исполнится через четыре года, и лишь после этого ответил на мой вопрос:

– Нет, речь не идет о христианской реликвии. Клиент полагает, что профессор Харрис выбрал доктора Паоли потому, что тот имел доступ к архивам Ватикана.

– А что по этому поводу говорит профессор Харрис? – спросил Тавров. Правильно спросил: зачем строить догадки, если можно узнать у первоисточника?

– Профессор Харрис оказался второй жертвой этого загадочного дела, которое вам предстоит расследовать, – сообщил Шмидт.

Вот так! Оказывается, «припасть к первоисточнику» уже невозможно.

– А что думает по этому поводу сам Паоли? – решил зайти с другой стороны Тавров. – Надо полагать, он сам знает, почему и для чего его выбрал в качестве помощника профессор Харрис?

– Скорее всего, это так, – согласился Шмидт. – Должен был знать. Но и его спросить нельзя, поскольку доктор Паоли был первой жертвой.

– Как они погибли? – спросил я.

– Доктор Паоли был найден в сгоревшей машине на дне ущелья в Альто-Адидже, – ответил Шмидт. – Буквально в тот же день профессор Харрис отправился на своем катере из Майами половить рыбу и бесследно исчез. А спустя две недели доктор Георгеску был найден застреленным в своем доме в Бухаресте. Официальная версия – самоубийство. Но мой клиент не верит в официальную версию.

– А доктор Причард еще жив? – поинтересовался я.

– Сегодня утром он был жив, и пока еще с ним ничего плохого не случилось, – сообщил Шмидт.

– Тогда нам надо с ним поговорить! – решительно заявил Тавров. – Как это можно сделать?

– Нет проблем! – заверил Шмидт. – Он сейчас в Москве, и я могу организовать вам с ним встречу.

– Тогда сделайте это как можно скорее, – предложил Тавров.

– То есть вы готовы подписать договор? – уточнил немец. Тавров взглянул на меня. Я кивнул.

– Хоть сейчас, – ответил Тавров. Немец полез в свою папку, шурша бумагами.

– А вы можете сказать, что за артефакт они искали? – спросил я, сгорая от любопытства.

– Разумеется, – подтвердил Шмидт. – Речь идет о так называемом копье Дракулы.

* * *

Мы с Тавровым обменялись недоуменными взглядами.

– Это тот самый Дракула, который вампир? – уточнил Тавров. Однако Шмидт то ли оказался не готов к вопросу, то ли решил уклониться от прямого ответа на него.

– Этого я не знаю, – ответил Шмидт. – Данный вопрос не входит в область моей компетенции. Но я полагаю, что исчерпывающий ответ на ваш вопрос может дать доктор Причард.

– Надеюсь, – буркнул Тавров. – Очень надеюсь, что ко времени нашей встречи он еще будет жив.

Шмидту не понравилась реплика Таврова: он нахмурился и недовольно кашлянул.

– Когда мы сможем встретиться с доктором Причардом? – поспешил я разрядить ситуацию.

– Как только мы закончим формальности, я немедленно свяжусь с доктором Причардом и договорюсь с ним о встрече, – пообещал Шмидт.

– И как скоро это произойдет? – поинтересовался Тавров.

– В любом случае в течение трех дней, – уверенно отозвался Шмидт. – Через три дня я должен обязательно быть в Берлине.

* * *

Шмидт сдержал слово: уже через два дня мы встретились с доктором Причардом в его съемной квартире на Грузинском валу. Шмидт добросовестно проводил нас до квартиры Причарда, представил американскому историку и немедленно откланялся, сославшись на неотложные дела, которые ему обязательно надо решить до завтрашнего рейса на Берлин.

Перед встречей я представлял себе доктора Причарда как двойника его прославленного коллеги профессора Индианы Джонса. Поэтому я был несколько разочарован, увидев вместо подтянутого и сосредоточенного высокого парня в кожаной куртке жизнерадостного плешивого толстячка в гавайке. Толстяк радостно потряс нам руки энергичным американским рукопожатием и озарил нас неизменной широкой американской улыбкой – бесплатной рекламой дантиста. Порусски он говорил даже лучше Шмидта, хотя и с неистребимым американским акцентом. Усвоив русские обычаи, Причард не просто предложил нам выпить, но и выставил колбасу, сыр и оливки в качестве закуски. Предложив нам называть его просто Боб, Причард пошел навстречу нашим рус-

ским комплексам, и мы выпили водки на брудершафт. Опять же по русской традиции, тут же выпили по второй – чтобы пуля не успела пролететь. После чего можно было в непри-
нужденной обстановке переходить к делу.

– Вы уже знаете о гибели ваших коллег профессора Харриса, доктора Паоли и доктора Георгеску? – задал Тавров показавшийся мне риторическим вопрос.

– Да, это ужасная трагедия, – скорбно вздохнул Причард. – Я до сих пор не могу прийти в себя. Господин Шмидт выразил опасения, что эти смерти не случайны, что существует угроза и моей жизни тоже и что будут приняты меры по обеспечению моей безопасности. Я так понимаю, что это вы будете обеспечивать мою безопасность?

Вообще-то, это было не совсем так: услуги телохранителя для Причарда в договоре прописаны не были. Зато предусматривалась установка средств аудио– и видеоконтроля в его квартире. Интересно, сам он об этом знает?

– Да, господин Шмидт нанял нас именно для этого, – ответил Тавров. – Телохранителя к вам решено не приставлять: если человека задумали убить, то никакие телохранители не помогут. Мы сосредоточимся на выявлении лиц, которые могут представлять для вас угрозу. А для этого нам надо знать, чем вы занимаетесь в Москве, установить круг вашего общения и все такое... Господин Шмидт сообщил нам, что вы, как и ваши погибшие коллеги, занимались поисками некоего артефакта. Господин Шмидт заверил нас, что

вы сможете сообщить нам подробности.

– Да, Шмидт сказал мне, что я могу рассказать все, – кивнул Причард. – Мы занимались поисками одного очень любопытного предмета: копья, некогда принадлежавшего легендарному Владу Цепешу Дракуле.

– Копья? – удивился Тавров. – Насколько я помню, основным оружием Дракулы, как вампира, были его зубы.

– Да, разумеется! – рассмеялся Причард. – Что касается созданного Брэмом Стокером мифа, то, безусловно, зубы! Но нас интересовал не мифический Дракула, а реальный. Реально существовавший Дракула не имел ничего общего с мифическим вампиром графом Дракулой. Если вам интересно, то я расскажу немного...

Причард вопросительно взглянул на Таврова. Тот кивнул, отозвавшись:

– Само собой, раз мы занялись этим делом. Рассказывайте все, что вы считаете нужным рассказать.

– Тогда я сначала быстренько развею несколько самых вздорных мифов, – пояснил Причард и приступил к рассказу:

– Во-первых, прежде всего надо сказать, что никаким графом Дракула не был. Он был господарем Валахии, исторической области на территории нынешний Румынии. Валашский титул «господарь» соответствует титулу «князь» в восточноевропейской традиции или же титулу «герцог» в традиции западноевропейской.

– То есть Стокер, так сказать, понизил Дракулу в звании? – иронически заметил Тавров.

– Да, британские колонизаторы всегда отличались презрением к чуждым им традициям! – в тон Таврову отшутился Причард и продолжил реабилитацию валашского господаря.

– Во-вторых, прозвище «Дракул» – что по-румынски означает «дракон» – было дано его отцу, господарю Владу Второму из-за того, что он использовал в своем гербе изображение дракона и носил подвеску в виде дракона. Надо сказать, что ношение изображений дракона вовсе не было связано с колдовскими ритуалами или с тем, что у румын слово «дракула» означает и «дракон», и «дьявол». Влад Второй захватил валашский престол в 1436 году, свергнув своего двоюродного брата при поддержке императора Священной римской империи Сигизмунда Люксембургского. Сигизмунд основал в 1408 году рыцарский орден Дракона с традиционной для рыцарских орденов формулировкой «для охранения Креста Господня и борьбы с язычниками». Бороться Сигизмунд собирался главным образом с турками, неумолимо продвигавшимися через Балканы в центр Европы. Сигизмунд сделал членом ордена Влада из династии Басарабов, преследуя цель иметь верного человека на престоле валашских господарей: ведь Валахия была именно тем местом, где активно шла борьба турок-мусульман и христиан-европейцев. Соответственно Влад Второй имел прозвище «Дракул», а его сын Влад Третий стал известен под именем «Дракула»,

то есть «сын Дракулы». Так что легенда о том, что прозвище «Дракула» относилось не к валашскому господарю, а к его черному арабскому жеребцу, подаренному турецким султаном «валашскому принцу», абсолютно не соответствует действительности. Равно как и легенды о «колдовских практиках» Дракулы.

– А как насчет его легендарной кровожадности? – напомнил я. – Ведь его прозвище Цепеш, насколько я помню, означало «сажающий на кол».

– Как раз об этом я и собирался сказать, – ответил Причард. – Насчет прозвища: прозвище «Цепеш» вошло в титул Влада совсем не потому, что Влад Дракула широко использовал казнь через сажание на кол. На самом деле современные Дракуле хроники описывают произведший на свидетелей неизгладимое впечатление случай, когда молодой Влад ворвался в плотные ряды турок и метким сокрушительным ударом нанизал на свое копьё одновременно трех янычар. Именно после этого события армия и народ дали Владу почетное и полное восхищения – а вовсе не ужасающее – прозвище Цепеш, «нанизывающий на кол». То есть речь шла о силе и легкости, с которой он это сделал. И лишь позже историки связали это с реальной казнью на колу.

– Да, но на колы он людей действительно сажал в больших количествах, и именно это приводило в ужас всю культурную Европу, – напомнил я.

– Ну, слухи о «чудовищной жестокости» Дракулы, мяг-

ко говоря, преувеличены, – возразил Причард. – Кроме того, Европа в те времена была не такой уж культурной и уж совсем не гуманной: для средневековой Европы жестокие и массовые казни были такой же нормой, как и для восточных деспотий. Уверяю вас, что четвертование, колесование и прочие обычные для «культурной Европы» казни ничуть не более человечны, чем принятое на Востоке сажание на кол.

– А что такое четвертование? – полюбопытствовал Тавров. – В смысле: на четыре части рубили?

– Нет, не рубили, а разрывали лошадьми, – поправил Причард. – Иногда попадались такие... как это по-русски... «жилистые» мужики, что палачу приходилось вначале надрезать жертве связки, чтобы казнь прошла без осложнений. Обычно перед казнью совершались пытки: четвертованию традиционно предшествовало вырывание кусков мяса из тела казнимого.

– Однако! – передернуло меня от отвращения. Вот тебе и «культурная Европа»! – А за какое преступление полагалась такая жуткая казнь? – спросил я.

– Обычно за покушение на жизнь короля, – ответил Причард. – Однако часто все зависело от вкусов судьи или самого короля. Скажем, во времена современника отца Цепеша, Влада Второго Дракулы, французский король Карл Шестой широко практиковал утопление: когда казнимого завязывали в мешок и бросали в реку. Обычно такая казнь полагалась за сквернословие простолюдинам, но при Карле Шестом

так казнили и обычных воров, и виновных в массовых беспорядках. Однажды утоплению был подвергнут и аристократ Луи де Боа-Бурбон, который при встрече с королем всего лишь поклонился ему, а не встал на колени. Хотя возможно, что Карл Шестой приказал казнить его в одном из припадков безумия, коим был периодически подвержен после тяжелой болезни. Кстати, интересная подробность: чтобы кто-нибудь случайно не спас брошенную в реку жертву, приняв ее за утерянный мешок с товаром, на мешки для казни специально наносили надпись: «Дайте дорогу королевскому правосудию».

– А колесование? – продолжал удовлетворять свое профессиональное любопытство криминалиста Тавров. – Телегой переезжали, что ли?

– Нет, просто наносили многочисленные переломы, – охотно разъяснил Причард. За время долгого изучения средневековых обычаев он, похоже, стал воспринимать их как норму. Впрочем, в средневековой Европе это и было нормой – о «правах человека» тогда никто не задумывался.

– Осужденного на казнь клали с раздвинутыми ногами и вытянутыми руками на соединенные в виде креста Святого Андрея, то есть в виде буквы «Х», два бруса. Палач вначале железной палкой переламывал несчастному руки, предплечья, бедра, ноги и грудь. Затем осужденного прикрепляли к небольшому каретному колесу, поддерживаемому столбом. Переломленные руки и ноги привязывали за спиной, а ли-

цо казненного обращали к небу, чтобы он принял смерть в этом положении. Казнь считалась жестокой даже по понятиям тех времен, поэтому судья или король мог проявить милосердие и приказать умертвить осужденного перед началом ломки костей.

– Гуманизм, однако! – саркастически заметил я.

– Да, в то время такое считалось милосердием, – развел руками Причард. – Скажем, во время проведения распротраненной в отношении колдунов или еретиков казни сожжения на костре в виде особой милости могли использовать очень сухие дрова, чтобы сократить мучения осужденного или даже прервать его страдания ударом багра, которым ворошили костер. Из мучительных казней в Европе еще широко использовались зарывание живьем в землю и сдирание кожи заживо. Во Франции живьем зарывали воровок, в Германии – женщин-детоубийц. Сдирали кожу заживо с тех, кто прелюбодействовал с женщинами королевской крови, а также с переводчиков Библии – что, с точки зрения «добрых католиков», считалось страшным богохульством. Ну и широко использовалось во всех европейских странах в отношении фальшивомонетчиков варение заживо в кипятке или в масле.

– Понятно, что времена были жестокие, – решил я прервать малоаппетитные излияния Причарда. – А как насчет сажания на кол? Эта казнь в Европе действительно не применялась?

– Такая казнь считалась языческим пережитком, и церковь неодобрительно относилась к ней. Во всяком случае, эта казнь применялась к обвиненным в колдовстве наряду с колесованием и сожжением на костре при Меровингах, в частности, во времена франкской королевы Фридегунды. На Востоке же эту казнь использовали очень часто по той причине, что в зависимости от конкретной процедуры казни и особенностей конструкции кола смерть посаженного на кол наступала либо через несколько минут, либо через несколько суток – в зависимости от желания казнящего. Легенда о «кровожадном колосажателе» Владе Цепеше появилась как следствие двух фактов: сажание на кол было в глазах европейцев чисто восточной экзотикой, символом варварства – хотя любимые в современной Дракуле Европе колесование и четвертование, с нашей точки зрения, ничуть не менее чудовищны. Второй факт: случай массовой казни Цепешем турецкого войска вместе с военачальниками-пашами, которая носила демонстративный характер.

– Ах, так все-таки было массовое колосажание? – подметил я.

– Следует учесть, что правление Влада Цепеша Дракулы пришлось на чуть ли не самый трагический период для балканских государств, когда решалась их судьба, – заметил Причард. – И Валахия не была исключением.

Глава 2

После сокрушительного поражения в 1396 году под Никоподем – что на севере нынешней Болгарии – европейского христианского войска под предводительством Сигизмунда Люксембургского лишь разгром османского государства великим Амиром Тимуром в 1402 году спас Европу от неумолимого турецкого вторжения. Европейцы, кстати, по своей традиционной неблагодарности, ненавидели своего спасителя и использовали в хрониках данное врагами Тимура враждебное прозвище Тамерлан. Европейцы никак не использовали подаренный им Тимуром шанс, и спустя полвека турки беспрепятственно восстановили былую мощь. После падения в 1453 году Константинополя – последнего оплота христианской культуры в Азии – вновь началась кровавая экспансия турок на Балканы. Не способные противостоять мощи Османской империи, слабые балканские государи были вынуждены признавать себя вассалами турецкого султана, выделяя в его войско вспомогательные отряды: например, в битве при Анкаре против Амира Тимура принимал участие и был почти полностью уничтожен сорокатысячный сербский вспомогательный отряд, присланный деспотом Сербии Стефаном Лазаревичем. Христиане были вынуждены платить туркам дань не только деньгами, но и людьми: именно из принявших ислам христианских мальчиков формировал-

ся отборный корпус янычар и набирались личные рабы султана.

– Вот гады! – прокомментировал я, обидевшись за славянских предков. Однако и тут Причард нашел место для ехидного комментария:

– Справедливости ради следует сказать, что значительная часть обратившегося в ислам христианского населения «отурчивалась» совершенно добровольно. В основе этого решения лежало желание избежать как специального денежного налога на христиан «джизье», так и пресловутого «деширме» – отдачи христианских детей для службы султану. Кроме того, бедные христианские семьи часто с радостью отдавали своих детей на «отурчивание», чтобы они смогли занять видное положение при султанском дворе – и некоторым это действительно удавалось. Среди таких «счастливчиков» следует отметить достигших звания «великий визирь» – то есть, используя нынешнюю терминологию, премьер-министра – сына православных серба и гречанки Махмуд-пашу и бывшего раба, серба по происхождению Мехмед Соколу-пашу.

– Так прям все они верно несли службу? – усомнился Тавров.

– Разумеется, на слово своим вассалам, только и мечтавшим освободиться при удобном случае от власти султана, турки не верили, – подтвердил Причард его сомнения. – А потому в качестве гаранта лояльности восточноевропейских правителей турки брали в заложники их детей. Пленом, ра-

зумеется, это назвать нельзя: знатные заложники пользовались полной свободой и жили в такой же роскоши, как и сыновья султана. Но если на их родине вдруг вспыхивало восстание, то для узников «золотой клетки» было только два пути: принять мученическую смерть или возглавить карательный отряд янычар, беспощадно вырезавших население непокорной страны.

– Невелик выбор, – оценил я.

– Вот именно! – согласился Причард. – А теперь представьте, что именно в качестве такого заложника в 1438 году семилетний мальчик Влад Дракула появился при дворе турецкого султана и провел там долгих девять лет. Уже там совсем еще юный Влад показал, что он достоин прозвища «Сын Дракона». Трижды под угрозой смерти Влада пытались заставить принять ислам, но «Сын Дракона» был непреклонен в своей вере: как и положено истинному христианину, в православии Влад видел не только неприменную идеологическую структуру тогдашнего государственного аппарата, но прежде всего путь к спасению как души, так и личной чести.

– Чего-то тут не вяжется, – недоверчиво произнес Тавров. – Все эти повелители балканских государств воевали с турками или им служили?

– Тут не все так просто, – принялся объяснять Причард. – Представьте, что владелец определенной территории вместе со своими вассалами начинает войну с турками не на жизнь,

а на смерть. Во-первых, кто-нибудь из вассалов в решающий момент битвы обязательно покинет поле сражения, чтобы из своего предательства извлечь максимум выгоды для себя: избавиться от сильных соседей, захватить их владения. Во-вторых, даже если этого и не произойдет, то в случае разгрома вся территория непокорных будет захвачена и превращена в провинцию турецкой империи – пашалык, со всеми вытекающими из этого последствиями: раздачей лучших земель туркам, массовым «отуречиванием» оставшегося населения, лишением местного дворянства всякой власти. После сражения под Никополем, показавшем полное бессилие христианской Европы в борьбе с турками, балканские государи были вынуждены идти на частичные уступки туркам, чтобы получить статус «привилегированной провинции», что примерно соответствовало привычному европейскому вассалитету. Вот в таких непростых условиях отец Влада стал господарем Валахии, то опираясь на поддержку императора Сигизмунда и венгерского регента Януша Хуньяди, то принимая вассалитет турецкому султану.

* * *

Честно говоря, я уже начал терять нить разговора. Мы все-го-то хотели выяснить предысторию загадочного копья Дракулы, а тут Причард погрузил нас в такие исторические дебри, что немудрено и запутаться. Поэтому я воспользовался

паузой, которую сделал разгоряченный Причард, чтобы выпить стакан минеральной воды, и попробовал направить разговор в нужное русло:

– Так что там с копьем Дракулы?

– Как же я расскажу вам историю копья Дракулы, если еще не рассказал вам историю самого Дракулы? – удивился Причард, и нам осталось только смириться.

– Итак, в 1447 году Влад Второй Дракул был убит по приказу венгерского регента трансильванского князя Яноша Хуньяди, который немедленно посадил на валашский престол своего ставленника: Владислава Второго Дана, происходившего так же, как и Влад, из династии Басарабов. Собственно, с этого момента и началась ожесточенная борьба двух ветвей валашского рода Басарабов: Данешти и Дракулешти. Турки предложили Владу стать генералом янычарского корпуса и вернуть себе при помощи янычар валашский престол. Нетрудно представить, что ожидало население Валахии, прими Влад предложение турок. Но Влад отказался.

В 1448 году, воспользовавшись разгромом армии Хуньяди турками – кстати, на счастливом для турок Косовом поле, – Влад на короткий срок захватил престол, однако уже спустя три месяца потерял его, а его брат Мирча был ослеплен врагами и похоронен заживо. Влад Дракула не желает вновь прибегать к покровительству турок, опасаясь опустошения страны янычарами, и бежит в Молдавию под защиту своего дяди Богдана, который в сентябре 1489 года сверг с

молдавского престола своего племянника Александра и стал господарем Молдавского княжества. Однако в октябре 1451 года Богдана убивает очередной претендент на молдавский престол, его собственный брат Петр Арон, и Влад вынужден вместе со своим кузеном, сыном Богдана Стефаном, бежать в Трансильванию и просить покровительства могущественного князя Яноша Хуньяди. Самому Яношу было не до беглых принцев: он то ожесточенно воевал с турками, то по требованию венгерских дворян вел переговоры с императором Священной Римской империи Фридрихом Третьим об освобождении венгерского короля Ласло Шестого – при котором, собственно, Янош Хуньяди и исполнял функции регента.

Тут Причард буквально умоляюще посмотрел на нас. Мы с Тавровым переглянулись, и Тавров милостиво кивнул:

– Так что там с этим... как его... Ласло?

– Я быстро расскажу, это очень важный момент, без которого все остальное не будет понятно, – заторопился Причард. – Итак, венгерский король Ласло при крещении был наречен Ладислаус, в чешском произношении Ладислав. Он был сыном короля германского, чешского и венгерского, герцога австрийского Альбрехта Второго и дочери императора Сигизмунда Люксембургского Елизаветы. Король Альбрехт скоропостижно скончался за четыре месяца до рождения сына якобы от дизентерии, и потому Ладислав тут же получил невеселое прозвище «Постум», то есть «Посмертный». Он унаследовал австрийское герцогство, а его опеку-

ном стал провозглашенный императором и королем Германии под именем Фридриха Третьего двоюродный дядя. Почти одновременно венгерские дворяне во главе со словенским графом Ульрихом Циллеи провозгласили младенца Ладислава королем Венгрии Ласло. Чешские дворяне провозгласили Ладислава своим королем. Однако, поскольку Фридрих держал малолетнего короля при себе, дворяне Венгрии избрали венгерским регентом Яноша Хуньяди, а чешские дворяне – регента Чехии Иржи из Подебрад.

Понятно, что ни опекун австрийского герцога Фридрих, ни оба регента особенно не пытались изменить ситуацию. Лишь в 1452 году после совместного выступления возмущенных беззаконием австрийских, чешских и венгерских дворян Фридрих вынужден был уступить, вернуть захваченные им венгерские королевские регалии и освободить Ладислава. Фактическим правителем Венгрии при тринадцатилетнем короле стал граф Ульрих Циллеи, ярый враг клана Хуньяди.

Сам Янош в это время воевал с турками, а его старшему сыну Ласло требовались союзники в борьбе с Циллеи, поэтому он оказывал покровительство потенциальным кандидатам на валашский и молдавский престолы Владу и Стефану. В 1454 году Янош Хуньяди вынудил турецкого султана Мехмеда Второго снять осаду крепости Смедерево, а в 1456 году разбил турецкое войско, осаждавшее Белград. Турецкое войско бежало вместе с раненым султаном. Однако Янош не

успел насладиться победой, став жертвой внезапно вспыхнувшей в венгерском войске чумы. Он скончался 11 августа 1456 года в Белграде, а 9 ноября того же года Ласло Хуньяди убил приехавшего в Белград Ульриха Циллеи.

Обширные владения графа в Каринтии, Крайне и Славонии должны были перейти к Ладиславу, однако тот горел жаждой мести и, невзирая на данные им Ласло Хуньяди гарантии безопасности, в начале 1457 года арестовал и казнил вернувшегося в Венгрию убийцу Циллеи. Это было очень опрометчивым поступком: сторонники клана Хуньяди подняли восстание, и Ладислав бежал в Прагу, поскольку еще в 1453 году официально был коронован чешской короной.

24 января 1458 года младший сын Яноша Хуньяди Матиаш был провозглашен венгерским королем, но смог покинуть Прагу только в конце февраля, когда его мать Эржбета Силади заплатила Фридриху Третьему выкуп за сына. Между тем Ладислав в Праге стал готовиться к свадьбе с дочерью французского короля Карла Седьмого Магдаленой Валуа, однако в ноябре того же года внезапно скончался. Многие говорили о том, что короля отравил Иржи из Подебрад, однако эти слухи ему не повредили: тот принадлежал к влиятельной гуситской церкви ультраквистов, иначе говоря «чашников», и, опираясь на поддержку большинства чешских дворян и бюргеров, 2 марта 1458 года был коронован чешской короной. Кстати говоря, мнение об отравлении Ладислава оказалось ложным: исследования останков Лади-

слава, проведенные уже в XX веке чешскими учеными, доказали, что Ладислав умер от совершенно неизвестной средневековой Европе болезни – лейкемии.

Иржи Подебрад стал первым королем Западной Европы – некаатоликом. Поддержкой религиозной свободы Иржи привлек на свою сторону даже проавстрийски настроенных католиков. Он оказал поддержку погрязшему в борьбе с собственным братом Альбрехтом Шестым Фридриху Третьему и даже спас его из осажденного войском Альбрехта Венского замка. Поэтому император решительно выступил в защиту Иржи от требований римского папы Пия Второго об упразднении гуситской церкви.

Крупные землевладельцы были недовольны властью Матиаша, решили возвести на престол его дядю, Михая Силади, и обратились за помощью к Фридриху Третьему. Тот с энтузиазмом самоубийцы встрял в венгерские разборки, поскольку после смерти Ладислава формально получил права на Венгерское королевство. Однако Матиаш отменил феодалное ополчение и создал регулярную наемную армию «Черное войско», успешно противостоявшую отрядам мятежных баронов и имперской армии. Он получил поддержку чешского короля Иржи Подебрада, женившись в 1461 году на его дочери Каталине. В 1463 году отчаянно нуждавшийся в деньгах император скрепя сердце продал увезенную Ладиславом корону Святого Иштвана Матиашу Хуньяди за 80 000 золотых форинтов, тем самым молчаливо отказавшись

от претензий на венгерскую корону. 29 марта 1464 года Матиаш был официально коронован Святой короной.

В августе 1456 года, опираясь на поддержку клана Хуньяди, Влад Дракула наконец вернул себе валашский престол, свергнув Владислава Второго. В благодарность он оказал активную поддержку Матиашу Хуньяди в его борьбе с мятежными венгерскими баронами. В 1457 году двоюродный брат Влада Стефан, опираясь на помощь валашского войска, вторгся в Молдавию, дважды разгромил войско Петра Арона, вынудив того бежать в Польшу, и занял молдавский престол. Именно эти пять с половиной лет непрерывного пребывания Влада Третьего Цепеша Дракулы на валашском престоле стали его звездным часом!

Причард сделал паузу, чтобы сделать очередной глоток минералки. Ну, похоже, мы все-таки добрались до нашей темы!

– Полагая, что его тыл надежно укреплен союзниками – венгерским королем Матиашем Хуньяди и молдавским господарем Стефаном чел Маре, – Влад Дракула принялся лихорадочно готовиться к войне с турками: строить и укреплять крепости, набирать армию, запастись припасы. Кроме того, ему стало известно, что римский папа выделил значительную сумму денег Матиашу Хуньяди на подготовку нового всеевропейского Крестового похода против турок. Влад Дракула перестал платить дань султану, ссылаясь на трудности. Он периодически вступал в стычки с войсками беев

приграничных территорий, но в письмах султану докладывал, что «он, как покорный раб султана, был в очередной раз вынужден наказать султанского подданного, который превысил свои полномочия и нарушил султанскую волю, позволив себе напасть на дружественную его султанскому величеству страну». И султан делал вид, что верит Дракуле: его самого беспокоил планируемый Крестовый поход, и он нуждался хоть в подобии спокойствия на границах. Но все знали: при малейшей возможности султан снова двинет войска в Европу. Логика Османской мусульманской империи была проста: за пределами избранной Аллахом Османской империи проживают варвары-язычники, которые самим фактом своего существования угрожают миру и безопасности, ибо мир и безопасность возможны только на территории исламской империи – и более нигде! Вот такая простая логика.

Развязка наступила в 1461 году: султан пригласил валашского господаря в крепость Джурджу на переговоры якобы для «урегулирования пограничных вопросов». Ну и еще в счет уплаты просроченной дани следовало захватить пятьсот христианских мальчиков для янычарского корпуса и тысячу овец. Для ведения переговоров и взимания дани султан послал ренегата, бывшего византийского чиновника Каволинуса, именовавшегося на турецкой службе Юнус-беем. А для придания веса на переговорах Юнус-бей сопровождал комендант Никопольской крепости и наместник южной Валахии Хамза-паша со своими четырьмя тысячами во-

инов. Некоторые источники увеличивают численность турецкого войска даже до десяти тысяч. Но главное то, что Юнус-бей и Хамза-паша бесследно исчезли вместе со своим войском, а Влад Дракул принялся захватывать турецкие крепости, уничтожать «потурченцев» – короче, освобождать оккупированную и «отуреченную» южную Валахию. По обычаям того времени, потери врага исчисляли подсчетом отрубленных голов. Цепеш отправил королю Матиашу подробнейший отчет, в котором точно перечислил число убитых турок, отдельными строками по населенным пунктам и крепостям с общим итогом двадцать три тысячи восемьсот девять убитых, не считая свыше восьмисот тех, что сгорели в своих домах, и их головы было невозможно отыскать для точного подсчета.

– Ни хрена себе! – пробормотал потрясенный Тавров. Да уж! О времена, о нравы!

– Надо сказать, что король Матиаш обрадовался донельзя посланию Цепеша: с Крестовым походом не ладилось, а за потраченные деньги надо было отчитываться перед римским папой. Так что Матиаш немедленно округлил полученные цифры до двадцати пяти тысяч, затем прибавил четыре с лишним тысячи турок войска Хамзы-паши из предыдущего отчета – откуда и появилась кочующая из хроники в хронику цифра тридцать тысяч посаженных на кол.

– Кстати, а что случилось с войском Хамзы-паши? – поинтересовался я. – Это войско так и осталось исчезнувшим

для султана?

– Войско Хамзы-паши исчезло поздней осенью 1461 года, а весной следующего года султан лично повел свою армию в карательную экспедицию. Повсюду на пути султан встречал разгромленные крепости и обезумевших от ужаса чудом спасшихся немногочисленных турок и потурченцев. Влад Цепеш осуществлял тактику «выжженной земли», скользя силы турок и лишая их маневра. Нехватка продовольствия и пресной воды заставила прибегнуть к подвозу припасов судами по Дунаю. Но в устье Дуная стояла захваченная Владом крепость Килия, которую он передал венграм, и лишь немногие суда сумели прорваться через блокаду. Наконец 17 июня 1462 года Влад Цепеш совершил легендарную ночную атаку на лагерь турок, двигавшихся на крепость Тырговиште. В этой атаке он потерял всего около тысячи человек и сам получил лишь легкое ранение, а турки – до тридцати пяти тысяч! Сам султан чудом избежал гибели. После этого разгрома султан уже и не помышлял о захвате сильно укрепленной крепости, а лишь мечтал, как ему достойно унести ноги. И такой случай представился!

Двигаясь в обход Тырговиште, турки увидели перед собой то, что вначале показалось им лесом. И лишь когда ветер подул в их сторону, донесся удушливый запах падали, а в небо поднялись тучи встревоженного воронья, потрясенные турки поняли, что это. Это была пропавшая еще зимой армия Хамзы-паши. Все четыре с лишним тысячи человек бы-

ли посажены на расставленные аккуратными рядами колья. А впереди на позолоченных кольях – как и полагалось по их высокому чину – сидели сами Юнус-бей и Хамза-паша.

Тут Причард сделал паузу, чтобы оценить произведенный эффект. Оно, конечно, впечатлило. Я явственно представил себе развернувшийся посреди равнины на километры лес кольев с полусгнившими трупами еще недавно грозной армии и пробормотал:

– Инфернал!

– И султан тоже сделал заключение, что сотворить такое может только тот, кому помогает сам дьявол. Ну а поскольку воевать с дьяволом бессмысленно, под этим благовидным предлогом султан и дал приказ об отступлении. Разумеется, султан сообщил населению, что возвращается потому, что одержал победу. А дабы его потрепанное войско никто не видел, велел войти своим воинам в Адрианопольскую крепость ночью.

– Крутой мужик был этот Дракула! – одобрительно крикнул Тавров.

– А как насчет копья? – напомнил я. – А уж потом нам про Дракулу доскажете.

– С копьем связана следующая легенда, – перешел к делу Причард. – Якобы оно принадлежало еще его отцу Владу Второму Дракулу, а тому, как рыцарю Ордена дракона, призванному стать главным борцом с турками, копьё вручил сам император Сигизмунд. После убийства отца верный оруже-

носец спрятал копьё и вручил его наследнику. Именно этим копьём Влад Цепеш и пронзал врагов аж по трое одновременно! Думаю, что султану кто-то нашептал про магические свойства копья Дракулы, потому султан и побежал так спешно из Валахии.

– А куда делось копьё после смерти Дракулы? – деловито спросил Тавров.

– Давайте сначала я вам расскажу, как умер Дракула и что за люди его окружали, тогда вы поймете логику поисков копья, – предложил Причард, и мы согласились с ним, хотя нам эти исторические хроники уже несколько поднадоели.

– Когда турки выдвинули еще одну сорокатысячную армию, то бояре, недовольные политикой Влада, который заботился о народе много больше, чем о них, воспользовались случаем и увели свои отряды, оставив Влада один на один с грозным врагом. Надо полагать, что обеспокоенные разорением своих владений войной бояре провели тайные переговоры с султаном, который пообещал не превращать Валахию в пашалык, а всего лишь сменить на престоле господя Влада Цепеша на его младшего брата Раду чел Фрумоса. Влад Цепеш был вынужден снова искать себе могучего покровителя и, по злорадному выражению турецкого хрониста, Цепеш, «спасаясь от когтей льва, предпочел попасть в лапы птицы-падальщика». Под птицей-падальщиком турецкий летописец имел в виду родовой герб Хуньяди, изображавший ворона – потому в Европе этот род именуют и на

латинский манер Корвины. Но, к несчастью Влада, венгерский король Матиаш решил тайком потратить полученные от римского папы деньги, собранные для Крестового похода против турок, на войну с императором Фридрихом Третьим. Когда Влад осенью 1462 года прибыл во владения венгерского короля, то Матиаш Хуньяди немедленно арестовал Влада и бросил его в темницу, обвинив... в сговоре с турками и срыве Крестового похода против Османской империи! Поводом для этого стало якобы написанное Владом Дракулой письмо турецкому султану, датированное ноябрем 1462 года, в котором он обещает султану передать ему Трансильванию и Венгрию! Как мог оставшийся без армии беглец, находясь на земле Матиаша Хуньяди, отправлять столь рискованное послание турецкому султану?! Очевидно, что к этому времени Влад уже находился в плену у Матиаша и письмо является откровенной фальшивкой, призванной обелить Матиаша в глазах римского папы, попрекавшего венгерского короля за проволочки с походом против турок. Вот каким образом коварный венгерский король решил отчитаться перед римским папой за потраченные на личные нужды крестовые деньги! Отсюда ясно, откуда Матиаш взял огромную – для нищей в то время Европы – сумму в 80 000 золотых форинтов, чтобы заплатить за корону Святого Иштвана обнищавшему императору Священной Римской империи.

На валахский престол турки посадили брата Дракулы Раду чел Фрумуса – по свидетельству современников, любов-

ника султана Мехмеда. Раду правил Валахией с 1462 года по 1475 год попеременно с другим представителем династии Басарабов – Лайотой, пока в январе 1475 года Раду не скончался – как говорили, от застарелого сифилиса. Оба господаря безоговорочно поддерживали турок, поэтому их чередование на валашском престоле было вызвано исключительно местными валашскими распрями.

В 1464 году под давлением римского папы Матиаш все-таки начал войну против Турции и даже захватил боснийскую крепость Яйце. Однако 14 августа 1464 года римский папа Пий Второй скончался. Говорят, что он умер, стоя у окна своей виллы в Анконе, в полной уверенности, что новый Крестовый поход уже начался, и с нетерпением ожидая появления союзнического флота, который он намеревался лично препроводить до Босфора и благословить на штурм Константинополя. Когда его известили о том, что ни один корабль не прибудет, папа умер от огорчения. Надо полагать, что не один Матиаш Хуньяди вытянул деньги из наивного Пия Второго на мифический «Крестовый поход». Получив известие о смерти Пия Второго, венгерский король немедленно вернул войска в Венгрию и после этого лишь отражал вторжения турок в его владения, сосредоточившись на борьбе с соседними христианскими правителями за гегемонию в Центральной Европе. Свою позицию Матиаш Хуньяди обосновывал тем, что лишь мощная Дунайская монархия, включающая в себя Венгрию, Чехию, Австрию и Польшу, способна

противостоять туркам на равных. А потому он бросил все силы на борьбу с Габсбургами и Ягеллонами, оспаривавшими право Матиаша на создание новой центральной европейской империи. Своего верного сподвижника и учителя, выходца из Хорватии, эстергомского архиепископа и канцлера Януша Витеза, выступившего за активное продолжение борьбы с турками, Матиаш бросил в темницу – чтобы не надоедал.

Занятый непрерывной войной за гегемонию над Австрией и Чехией, Матиаш решил обезопасить свой тыл от внезапного вторжения турок. В 1475 году Матиаш пообещал томившемуся в заточении Владу Цепешу Дракуле свободу и валашский престол якобы в обмен на принятие католичества и женитьбу на его родственнице. На самом деле Влад Цепеш еще до плена был женат на кузине Матиаша, которая родила ему двух сыновей. Да и пребывание Влада в Вышеградском замке отнюдь не напоминало заключение. Вышеградский замок, где обитал Влад, заслужил в то время название «второй Альгамбры» и «рая земного». Там было все: от роскошных залов до висячих садов, от фонтанов и прудов до библиотеки и площадок для проведения рыцарских турниров. Влад, словно почетный гость, жил с женой и детьми в пятиэтажной «башне Соломона», отводимой для содержания самых знатных пленников. За полвека до Цепеша именно здесь жил в заключении сам будущий германский император Сигизмунд Люксембургский. Получив свободу и одержав верх в политической схватке, он снова поселился в той же самой

башне, которой добавили роскоши, приличествующей титулу императора. Теперь эти роскошные императорские покои достались Владу. В вопросе возвращения Влада Цепеша на валашский престол Матиаш заручился поддержкой молдавского господаря Стефана Третьего, обеспокоенного вторжениями в Молдавию войск протурецкого валашского господаря. Матиаш Хуньяди отчаянно нуждался в военном искусстве Влада Цепеша, однако, верный своей двуличной политике, не спешил возвращать ему валашский престол.

Сразу же после победы Стефана 10 января 1475 года при Васлуе Влад по настоянию молдавского господаря был освобожден и включился в антитурецкую борьбу. Матиаш, не пришедший на помощь Стефану во время Васлуйского сражения, решил предпринять какую-нибудь кампанию против турок, пока те не успели опомниться от удара, нанесенного Стефаном.

Предприятие оказалось успешным: была взята крепость Шабаци в Сербии. Матиаш присутствовал в войсках, однако реальное командование осадой было поручено Дракуле. Затем, уже без Матиаша, но при участии Стефана Батория, Цепеш продолжил бои в Сербии. Одна из крепостей – Сребреница – была захвачена любимым способом Влада: с детства привычный к турецкой одежде и отлично владевший турецким языком, он переоделся вместе с полутора сотнями бойцов в турок и проник в крепость, поддержав в решающий момент штурмовавших изнутри.

Цепеш продолжал воевать на сербском фронте до весны 1476 года. Все больше голосов стало раздаваться в поддержку настояний Стефана поддержать Влада в борьбе за престол Валахии. Главным доводом было то, что Цепеш наводит ужас на турок и потому будет чрезвычайно полезен в борьбе с ними. В такой ситуации Матиаш Хуньяди ничего не мог поделать, и уже в ноябре 1476 года во главе предоставленного венгерским королем войска Цепеш вторгся в Валахию, свергнув с валашского престола Лайоту Басараба Данешти.

Распоясавшаяся за время двенадцатилетнего заключения Влада знать не желала возвращения прежних порядков. Бояре, большинство которых перешли в католицизм, тем не менее настраивали против Влада православное духовенство и народ как против католика, усердно распуская ложные слухи о принятии Цепешем католичества. Но и это не помогло. Дело решило открытое предательство. В декабре 1476 года Влад был убит пущенной ему в спину собственным шурином стрелой. Пятнадцатью годами раньше шурин был осужден на смерть за измену – сговор с турками – и помилован по личной просьбе жены господаря. По другим сведениям, Влад попал в засаду и успел зарубить пятерых нападавших, прежде чем был схвачен и обезглавлен. Его голову изменники-бояре положили для лучшей сохранности в мед и отправили в подарок турецкому султану.

– Судьба героя всегда трагична, – глубокомысленно заметил я, втайне же радуясь, что лекция по истории явно подо-

шла к концу. – И куда же делось копьё?

– Это очень интересный вопрос! – снова оживился Причард. – И тут имеется несколько версий. Первая: копьё было передано Матиашу Хуньяди изменниками-боярами, придерживавшимися политики баланса сил – голову Цепеша отравили турецкому султану, а копьё Дракулы отослали венгерскому королю. Вторая версия: верный оруженосец передал копьё Дракулы его сыну. Сыновей у Влада Цепеша было двое или трое, и один из его сыновей, Михня чел Рэу, почти полтора года занимал господарский престол. Собственно, после смерти Дракулы члены семейства Дракулешти еще почти двести лет занимали господарский престол, изредка чередуясь на нем с представителями семейства Данешти и знатных боярских родов Крайовеску, Мовилешти и Мушатов, пока в 1659 году на престоле не утвердилась династия Гика. Но и после этого Дракулешти сохраняли влияние как местные владетели и представители аристократического семейства. Так что версия о том, что копьё в качестве семейной реликвии до наших дней хранилось у членов клана Дракулешти, не была лишена правдоподобия: и сейчас в Румынии есть семьи, ведущие свою родословную от Басарабов-Дракулешти.

– Я так понимаю, что найти копьё в Румынии или Венгрии вы отчаялись, раз теперь ведете поиски в Москве, – заметил Тавров. – Значит, кто-то из потомков Дракулы переселился в Россию?

– Нет, не совсем так, – улыбнулся Причард. – Есть еще и третья версия, в соответствии с которой Дракула завещал передать свое копье своему другу юности молдавскому господарю Стефану чел Маре – как последовательному борцу с турецкой экспансией. С 1475 года прежние союзники Стефана крымские татары стали данниками и союзниками турецкого султана, а его северные и восточные соседи – польский король и Великий князь литовский – сами точили зубы на владения Стефана. Поэтому в 1480 году Стефан заключил военно-политический союз против турок с Великим князем московским Иваном Третьим. Союз был подкреплён женитьбой сына и соправителя Ивана Третьего Ивана Ивановича Молодого на дочери Стефана Елене, прозванной в Московии «Волошанка» – поскольку жителей и Молдавии, и Валахии на Руси традиционно именовали валахами. И вот тут возникли еще две версии. Первая: Стефан, как защитник православия, всячески способствовал восстановлению православных монастырей, в частности главных православных монастырей на горе Афон, поэтому копье Дракулы спрятано в одном из восстановленных Стефаном монастырей. Именно Стефан восстановил основанный в конце девятого века болгарскими монахами монастырь Зограф, разоренный в 1276 году латинянами-униатами – православными, признавшими в 1274 году по Лионской унии власть римского папы. В частности, именно в Зографе хранилось вышитое дочерью Стефана Еленой знамя с изображением Георгия Победоносца.

Кроме того, Стефан построил башню в монастыре Ватопед, восстановил монастырь Святого Павла и стал вторым ктиторм – по нынешней терминологии, спонсором – монастыря Путна, где и был похоронен. Вторая же «молдавская» версия гласила, что Елена Волошанка увезла копьё с собой в сундуках с приданым, ибо Стефан уповал на силу Великого Московского княжества как самого мощного в то время независимого православного государства и счел Москву самым лучшим местом для пребывания мистического копьё Дракулы.

– И как насчет молдавской версии? – нетерпеливо спросил Тавров. – Вы ее отработали?

– Да, – подтвердил Причард. – Доктор Георгеску потратил почти пятнадцать лет на тщательное обследование и изучение монастырей, связанных с деятельностью Стефана чел Маре, и не нашел доказательств того, что копьё Дракулы когда-либо находилось там.

– Так долго? – поразился я. – Что же за такие магические свойства у этого артефакта, что доктор Георгеску потратил столько времени на его безуспешные поиски?

– Если быть точным, то доктор Георгеску потратил почти всю свою жизнь на поиски копьё Дракулы, – заметил Причард. – Он был им просто одержим. Это во-первых. А во-вторых, я не очень вдавался в подробности мистических свойств копьё Дракулы: оно для меня важно всего лишь как исторический артефакт.

– И из-за неудачных поисков Георгеску вы решили искать копьё в России? – спросил я.

– Не совсем так, – ответил Причард. – Я изначально разрабатывал молдавско-московскую версию пути артефакта. Но, кстати, у доктора Георгеску была и другая версия, в правильности которой он был просто убежден после безуспешного обследования доброго десятка монастырей.

– И что же это за версия? Что копьё до сих пор хранят члены семьи Дракулешти? – поинтересовался я.

– Не совсем так, – не согласился Причард. – Доктор Георгеску по вполне понятным причинам этического характера не выдвигал ее во всеуслышание, но был твердо убежден в ее истинности. Он считал, что копьё Дракулы было похоронено вместе с ним и оказалось похищено из могилы уже в наше время, в двадцатом веке.

– И на чем основывалась его уверенность? – вмешался Тавров. Детектив всегда любит факты.

– Дело в том, что могила Дракулы в монастыре Снагов была потеряна. По преданию, Цепеш был похоронен под полом церкви в алтарной части у царских врат. Якобы так распорядился патриарх, чтобы выносящий святые дары священник каждый раз попирает ногами закоренелого грешника. Объяснение откровенно глупое: на самом деле такое положение могилы было почетным и вполне подходило для захоронения ктитора монастыря, вложившего в монастырь значительные средства.

– Но разве на могильной плите не было надписи, говорящей о том, что под ней покоится господарь Валахии и ктитор монастыря? – удивился я.

– Разумеется, была такая надпись, – кивнул Причард. – Но дело в том, что очень долго покойному Владу Дракуле его враги создавали отвратительную репутацию, плодя вздорные легенды о его пирах под сенью посаженных на кол жертв, сожжении врагов в здании церкви, переходе в католичество и прочую чушь. В начале девятнадцатого века в регионе Снагова епархиями руководили фанатичные епископы, считавшие Дракулу исчадием ада. По их распоряжению были уничтожены несколько настенных изображений Влада в разных румынских монастырях и храмах. А в 1815 году могила Дракулы в Снагове была осквернена, а надпись сбита. В довершение несчастий монастырь несколько раз попадал в зону военных действий и сильно пострадал, так что могильные плиты могли быть перепутаны при попытках реставрации. Так что нельзя было уверенно утверждать, что под плитой, находящейся в алтарной части и носящей следы сбитой надгробной надписи, окажется именно могила Цепеша. Румынские историки Дину Росетти и Георге Флореску, в 1932 году производившие раскопки в церкви монастыря, начали именно отсюда. Раскопки показали, что могила пуста. Вроде бы подтверждалась версия, что могила Дракулы в Снаговском монастыре является так называемым кенотафом – буквально «пустой могилой», простым памятным знаком, а сам Дра-

кула захоронен совсем в другом месте. Но Росетти решил проверить место в противоположной части церкви, у самого входа, и обнаружил там почти несохранившиеся останки человека в богатой одежде. Вполне возможно, что верные слуги Влада, предвидя осквернение могилы своего господина, тайно перенесли останки туда, где их не обнаружил бы непосвященный.

– Что же конкретно нашел Росетти, когда вскрыл могилу? – спросил Тавров.

– Вот тут сразу возникает много неясностей, которые и зародили подозрения в отношении истинности отчета Росетти, – ответил Причард. – Тело, разумеется, полностью истлело, причем Росетти утверждал, что даже кости рассыпались в прах и потому якобы невозможно было проверить, была ли голова Влада отделена на месте гибели и отправлена в Турцию. И уж полное недоверие вызвало поистине смехотворное утверждение Росетти о том, что превратились в прах не только кости, но даже драгоценные камни в оправах! Каково?! Зато сохранились золотые, серебряные и фаянсовые украшения, роскошное золотое шитье, а также детали одежды из шелка и бархата, рассыпающиеся при прикосновении. Поверх всего лежал толстый слой ржавой пыли: все, что осталось от оружия, положенного в гроб. Остатки перчаток указывали положение рук покойного.

– А почему вообще решили, что это останки Дракулы? – скептически осведомился Тавров.

– По ряду косвенных признаков, сочетание которых позволило Росетти утверждать, что это останки Влада Дракулы, – ответил Причард. – Например, по деталям костюма, согласующимся с эпохой и с его княжеским положением; по соответствию места погребения легендам; по не вызывающему никаких сомнений факту ктиторства Цепеша; по надетому на шею характерному украшению в виде веночка из фаянсовых и серебряных цветов, украшенных гранатами, и впоследствии уверенно опознанному как приз за победу на рыцарском турнире – а точно известно, что в молодости он активно участвовал в турнирах, проводимых Яношем Хуньяди в Вышеграде, и даже ездил на крупный турнир в Нюрнберг, откуда и мог привезти этот трофей. В общем, признаков набралось так много, что принадлежность могилы именно Владу Дракуле подтверждена с достаточной научной полнотой, процентов так на девяносто девять.

– То есть сомнения остались? – заметил Тавров.

– Сомнения остаются практически всегда, – с сожалением отозвался Причард. – Но я лично считаю, что Росетти действительно обнаружил могилу Дракулы. Кстати, благодаря его исследованиям рассыпались в прах легенды о том, что Дракула был изрублен изменниками-боярами на множество частей, а затем монахи собрали его останки на поле боя и похоронили как смогли в той одежде, в которой он сражался. Обряжен и одет покойник был очень тщательно – в парадные одежды, со множеством украшений. Похоже, что в ор-

ганизации похорон принимало участие близкое к Владу лицо, хорошо знавшее его лично и, возможно, знавшее также его пожелания по поводу погребения. Скорее всего, это была женщина. Любопытный факт: под полами одежды покойного был обнаружен шелковый мешочек, по всей видимости, висевший на шнурке на шее, в который был вложен женский перстень с несохранившимся камнем.

– Опять несохранившийся камень! – с сарказмом воскликнул Тавров. – Никогда не слышал о драгоценных камнях, рассыпавшихся от времени в прах. Чушь какая-то!

– Вполне согласен с вами, что Росетти так и не смог придумать убедительного объяснения исчезновению драгоценных камней из могилы, – улыбнулся Причард улыбкой человека, который знает больше, чем сказал. – Действительно, странно: золотые и серебряные оправы от камней остались, а сами камни исчезли. И уж тем более поразительно, что даже уложенный в нашешный мешочек золотой перстень остался на месте, а камень из него загадочным образом исчез!

Глава 3

– И как же вы объясняете этот удивительный факт? – спросил я.

– Объяснение может быть лишь одно, – уверенно заявил Причард. – Очевидно, что Дракула при многочисленных свидетелях был похоронен в могиле перед царскими воротами, и потому у местных жителей нет никаких сомнений, что Дракула был похоронен именно в этой могиле: до сих пор там почти ежедневно появляются живые цветы, горят свечи и стоят портреты Дракулы. Также очевидно, что сразу после смерти Дракулы могила вскрывалась как минимум дважды: в первый раз для того, чтобы убереечь останки от осквернения, а второй раз, чтобы забрать из могилы все драгоценные камни и, возможно, наконечник копья Дракулы. Разумеется, произвести все эти манипуляции можно было лишь тогда, когда тело еще не окончательно разложилось и золотое шитье не отделилось от основы.

– Похоже, что это сделала вдова Дракулы, – высказал предположение я. – А раз она была кузиной венгерского короля, то не было бы логично поискать копье в Венгрии?

– Нет, – не согласился Причард. – По некоторым сообщениям, после кузины Матиаша у Влада была еще одна жена: дочь одного из тех двух бояр, которые оставались ему верными. Возможно, именно она и давала указания, как обрядить

Цепеша для погребения, а затем распорядилась тайно перенести останки мужа в другую, тайную могилу. В любом случае кузина венгерского короля не покидала Вышеграда, а в организации похорон видна заботливая рука любящей женщины.

– Но кто же все-таки забрал драгоценные камни, не поленившись выломать их из золотых и серебряных оправ? – спросил я. – Зачем это сделали? Не проще было взять перстни и прочее целиком?

– Возможно, что это был ритуал, – предположил Причард. – Честно говоря, меня больше интересовало копье Дракулы. Дело в том, что считать кучу ржавой пыли остатками оружия столь знатного правителя, как господарь Валахии, может только полный идиот, которого из себя почему-то изображал Росетти: и драгоценные камни у него «не сохранились», и от богато украшенного золотом, серебром и драгоценностями оружия осталась лишь «куча ржавой пыли». Золотые и серебряные накладки на оружии тоже «рассыпались в пыль»?!

– Видимо, их украли грабители могил, – поделился догадкой Тавров.

– Да, те же самые чудаки, которые тщательно выковыряли камни из золотых и серебряных оправ, – саркастически ухмыльнулся Причард. – Только на этот раз они тщательно удалили драгоценные камни с оружия вместе с золотыми и серебряными накладками, а само оружие бросили!

Причард допил минералку из стакана и решительно воскликнул:

– Нет, господа! Оружие Дракулы просто не положили в могилу, считая его очень важной родовой реликвией. И в этом нет ничего странного: ведь и легендарное копье досталось Дракуле от его отца господаря Влада Второго. На основании многолетних исследований я могу уверенно утверждать, что наконечник копья Дракулы никогда не клали в его могилу. Вместо копья, меча и кинжала в могилу положили другое оружие из арсенала Дракулы, не представлявшее такой значительной ценности. А наконечник копья, самый сакральный предмет из оружия Влада Дракулы, увезла в Москву жена наследника престола Великого московского князя Елена из династии Мушатов, известная в Московии под прозвищем «Волошанка».

– И куда же делось копье, если Волошанка привезла его в Москву? – задал вполне ожидаемый вопрос Тавров.

– Ее брак с князем Иваном Ивановичем Молодым был заключен в январе 1483 года. Надо сказать, что Иван Иванович был не просто наследником престола: с 1471 года он стал официальным соправителем отца. В браке Елена Стефановна родила сына Дмитрия. В возрасте тридцати двух лет Иван Молодой заболел «ломотой в ногах» и скоропостижно скончался. Многие усматривали в этой странной смерти руку второй жены Ивана Третьего Софьи Палеолог, рассчитывавшей, что после смерти Ивана Ивановича наследником

станет ее сын Василий. Кстати, мать Ивана Ивановича великая княгиня Мария Борисовна умерла в возрасте двадцати пяти лет тоже от яда. Однако бессовестные лекари утверждали, что ее от рождения слабое здоровье якобы расшатал ранний брак: своего сына Ивана великая княгиня родила, когда ей самой было 16 лет. Чушь, разумеется: в шестнадцать лет женщины уже вполне созрели для материнства, и родить здорового ребенка даже в наше время у шестнадцатилетней женщины гораздо больше шансов, чем у тридцатилетней. Но это так, к слову...

– Так что же копьё? – напомнил я.

– Мне удалось найти в архивах уникальный документ: перечень приданого, привезенного в Москву Еленой Стефановной, – гордо сообщил Причард. – Так вот: там фигурирует некое «копие» без всякого уточнения. На перечне есть позднейшая отметка о том, что все оружие передано великому князю. Похоже, что и копьё Дракулы тоже попало в великокняжескую оружейную коллекцию. Но чтобы представить его дальнейшую судьбу, я вначале расскажу о судьбе Волошанки. В 1498 году Иван Третий раскрыл так называемый «заговор Гусева», целью которого было возведение на русский престол сына Софьи Палеолог Василия Третьего. После этого наследником был объявлен сын Елены Стефановны Дмитрий. Однако в итоге борьба партий двух княгинь закончилась победой сторонников Софьи. Иван Третий отменил решение о назначении Дмитрия наследником и вес-

ной 1502 года приказал заключить невестку и бывшего наследника, едва достигшего восемнадцати лет, в тюрьму. Едва Василий Третий в 1505 году вступил на престол, как велел немедленно «заковать в железо» столь неудобного для него племянника, а Елена Стефановна умерла в том же году в заключении. Спустя четыре года умер и Дмитрий Иванович. И вот именно в это время след копья теряется!

– Почему теряется? – возразил Тавров. – Надо полагать, оно так и осталось лежать в Оружейной палате или там, где в те времена великий князь хранил свою личную коллекцию оружия.

– А вот и нет! – торжествующе воскликнул Причард. – Я лично держал в руках приказ сына Василия Третьего, государя Всея Руси Ивана Васильевича Грозного, в котором он требует «розыск копья мутьяньского воеводы Дракулы немедленно учинить». Там же царь Иван выражает сожаление, что дьяка Федора Курицина – который сопровождал Елену Стефановну из Молдавии в Москву, а затем стал ее ближайшим советником – казнили, не выяснив, куда же делось копье. А ведь он действительно должен был знать о нем, поскольку признан автором так называемого «Сказания о Дракуле, мутьяньском воеводе греческия веры, влажским языком Дракула, а русским языком дьявол по житию его зломудрому».

Причард процитировал столь мудреное название древнего документа без запинки.

– И что, даже по приказу Ивана Грозного местонахожде-

ние копья так и не выяснили? – удивился Тавров.

– Похоже, что не выяснили, – подтвердил Причард. – Во всяком случае, больше мне не удалось найти документов с упоминанием копья Дракулы.

Я был разочарован услышанным. Выслушать такую длинную историю о Дракуле и, в конце концов, узнать о том, что копья никто так и не обнаружил! За что же тогда Причард и его покойные коллеги так долго получали деньги?! Мне казалось это невероятным, и я хотел спросить об этом Причарда. Но пока я пытался в уме сформировать вопрос, спросил Тавров:

– Скажите, а у вас была какая-нибудь периодическая отчетность перед заказчиком? Все-таки вы достаточно долго искали копье.

– Да, разумеется! – подтвердил Причард. – Мы раз в месяц отправляли отчеты о ходе текущей работы почтой, и мистер Харрис всегда был в курсе результатов наших исследований.

– Электронной почтой? – задал я уточняющий вопрос, который мне казался почти риторическим, но ответ Причарда удивил меня.

– Нет, согласно указанию мистера Харриса, отчеты мы отправляли через сотрудника американского посольства, который отправлял их дальше дипломатической почтой.

Мы с Тавровым переглянулись и почти одновременно спросили:

– Мистер Харрис работал на американское государство?

– Нет, что вы! – воскликнул Причард. – Ему указал этот способ связи мистер Харрис как быстрый и надежный. По его словам, наш заказчик имел связи в Госдепартаменте и для обеспечения секретности решил пользоваться дипломатической почтой. Я упаковывал отчет в обычный большой конверт, писал на нем «Госдепартамент, офис 269» и передавал работнику посольства. А спустя два-три дня он попадал мистеру Харрису. Мистер Харрис сказал, что точно таким же способом пересылают свои отчеты мои коллеги.

– А вы были в курсе работ ваших коллег? – спросил я. – Вас знакомили хотя бы с отрывками их отчетов?

– Очень редко, – ответил Причард. – Аналитическим центром был Харрис. А мы собирали для него информацию. Лишь иногда Харрис давал указания, по каким направлениям провести дополнительные исследования. Например, он настойчиво рекомендовал мне сосредоточиться на поисках материалов, которые позволят составить представление о внешнем виде копия Дракулы.

– И вы нашли такие материалы? – поинтересовался Тавров.

Причард развел руками и рассмеялся:

– Честно говоря, я был несколько озадачен столь настойчивым требованием сосредоточиться на поисках того, что искренне полагал несуществующим. Очевидно, что вряд ли кто из видевших в реальности копия Дракулы удосужился его зарисовать или хотя бы оставить устное описание. Даже по-

бывавший в Трансильвании думный посольский дьяк Ивана Третьего Федор Васильевич Курицин, возглавлявший в 1482–1484 годах русское посольство к венгерскому королю Матвею Корвину – то есть к Матиашу Хуньяди – и молдавскому господарю Стефану Великому, ограничился лишь написанием сугубо литературной повести о Дракуле. А ведь он приехал в те места спустя всего шесть лет после гибели Влада Цепеша и тем не менее положил в основу повести не исторические факты, а многочисленные анекдоты, которые охотно записывали в те годы и другие иностранцы, побывавшие в придунайских землях. Например: авторы анонимных немецких брошюр «О великом изверге Дракола Вайда», поэт-мейстерзингер Михаэль Бехайм и итальянский историк Антонио Бонфини, создавший «Венгерскую хронику» в качестве летописца при дворе венгерского короля Матиаша Хуньяди. Курицин явно относился к повести как к сборнику красочных историй – и не более того. Поэтому на основании повести Курицина некоторые читатели составляли впечатление о Дракуле как о бессердечном тиране и жестоком садисте, а другие на основании той же повести полагали Дракулу суровым, но мудрым и справедливым государем. При этом, я думаю, сам Курицин понимал, что большинство рассказанных им историй про Дракулу, в том числе описание его гибели, совершенно очевидно не соответствовало действительности. Но, увы, это были такие времена, когда историческая точность не полагалась необходимой даже хронистами.

– Ну, все-таки в каждой истории есть доля правды, – заметил я.

– Но не в этом случае! – возразил Причард. – Скажем, склонность Дракулы к переодеванию в турецкие одежды с целью обмана противника использована для описания его гибели: якобы собственные воины приняли его за турка и убили. При этом Дракула успел убить аж пять своих противников, прежде чем убили его самого! Они что, слепые были или глухие? А эпизод с нищими, которые пожелали навсегда избавиться от нищеты, а Дракула повелел накрыть им столы в гробах, после чего в этих же гробах нищих заколотили и сожгли. Или просто классический эпизод с купцом, у которого украли с воза сто шестьдесят дукатов: купец пожаловался господарю, а тот повелел слугам тайно положить купцу в воз сто шестьдесят один дукат, чтобы проверить честность купца – якобы вор устранился наказания и вернул украденное. Купец честно отказался от лишнего дуката и тем самым спасся от смерти. Или история про стоявшую у фонтана золотую чашу, из которой каждый мог пить, но никто не посмел украсть – дескать, таков был страх перед Дракулой!

– Хм! Похоже, что он действительно был мудрый господарь, – высказал свое мнение Тавров.

– Вот как? – усмехнулся Причард. – Но наряду с этим Курицин приводит и свидетельства бессмысленной жестокости Дракулы: что он сдирал кожу и сажал на кол неверных жен; что он повелел казнить жену, которая поленилась сшить му-

жу новую рубаху и тот ходил в рваной; что он спрятал все свое золото в бочках, утопил их в реке, а исполнителей велел казнить; что любил Дракула вкушать пищу в тени посаженных на кол, а невыдержавшего трупного зловония слугу велел посадить на самый высокий кол – дескать, там воздух чище; а сидя в темнице, Влад скучал по любимому делу сажания на кол и потому ловил мышей, покупал птиц и сажал на спицы несчастных животных – не вздор ли?! Самое интересное, что все эти эпизоды Курицин позаимствовал из откровенно заказной и клеветнической книги анонимного немецкого хрониста: за всем этим видна рука Матиаша Хуньяди, которому надо было как-то оправдать заточение Дракулы. Хотя есть там и любопытный эпизод, взятый, очевидно, из жизни: некий пристав, преследуя вора, ворвался в палаты плененного Дракулы и был немедленно убит. Венгерскому королю Дракула заявил, что убил его слугу не с целью защитить вора, а за самоуправство: даже пленный господарь остается хозяином в своем доме, и пристав был обязан обратиться к нему за помощью, а не самовольничать!

– Молодец мужик! – одобрил я.

Но Таврову уже надоела тема – или ему, как бывшему стражу закона, не понравилось убийство Дракулой его венгерского коллеги, – поэтому он сухо предложил:

– Ладно, с легендами все ясно. Давайте вернемся к копыю.

– Давайте! – согласился Причард. – Я всего лишь объяснил, почему поиски рисунков и описаний копыя я полагаю

заведомо бессмысленным делом.

– А как же вы определите, что перед вами искомое копьё Дракулы, даже если вы его и найдете? – задал я провокационный вопрос.

– Всегда существует набор признаков: место находки, обстановка, сопутствующие предметы, – принялся объяснять Причард. – Когда имеется достаточный набор подобных идентификаторов, то затем можно прибегнуть к объективным методам, например анализу материала находки. Тогда совокупность признаков и результаты объективных исследований позволят с высокой степенью вероятности идентифицировать артефакт.

– Девяносто девять процентов вероятности? – усмехнулся Тавров. – Как с идентификацией останков Дракулы?

– Я понимаю, что всегда остается какой-то малый процент сомнения, но тут уж ничего не поделаешь! – с сожалением вздохнул Причард. – Увы, однозначность чужда исторической науке!

– И вы полагаете это наукой?! – поразился Тавров.

– У криминалистики результаты не лучше, иначе не было бы невинно осужденных! – немедленно парировал Причард.

Тавров набычился и, судя по его виду, собрался рассказать о разнице между классными криминалистами и невежественными судьями, но я поспешил завершить разговор.

– Большое спасибо, господин Причард, за вашу помощь! – произнес я, решительно поднимаясь из кресла. – Мы выяс-

нили все, что хотели, и не смеем больше занимать ваше время.

* * *

– И что же мы выяснили? – с досадой спросил я, когда мы покинули квартиру Причарда.

– Что могли, то и выяснили, – пожал плечами Тавров.

– По-моему, главное, что мы выяснили: с нами не собираются откровенничать, – заметил я. – Лично для меня самые интересные вопросы остались без ответа. Во-первых: с какой стати меня пожелали подключить к делу? За какие такие заслуги? Во-вторых...

– Видимо, клиент наслышан о твоём раскрытии серии убийств в деле о поддельном полотне Жерома, – перебил меня Тавров. – Ты тогда прекрасно справился с делом, и с учетом того, что организатор аферы был твоим другом, ты продемонстрировал редкостную объективность.

– Если бы «главный фигурант» не стал бы одной из первых жертв этого дела, хрен бы я стал напрягаться! – сумрачно сообщил я.

– Неважно! – отмахнулся Тавров. – Это уже детали. Кстати, а что там «во-вторых»?

– Во-вторых, весьмастораживает некий офис Госдепартамента США, через который шла информация по делу, – вздохнул я. – Очень не хотелось бы оказаться втянутым в

делишки «рыцарей плаща и кинжала» в качестве «мальчика для битья». А Причард ушел от обсуждения этой темы. И вообще, он не рассказал по существу ничего, кроме того, что при желании можно нарыть за полдня в Интернете.

— А нам-то что? — пожал плечами Тавров. — Я лично особенно и не рассчитывал на показания Причарда. Что он мог или хотел рассказать, он рассказал. Теперь обратимся к другим источникам. Насчет Госдепартамента ты прав: очень странный канал связи для ученых историков. Я попрошу Цветкова узнать все, что можно, об этом загадочном «офисе 269» Государственного департамента США: все-таки Цветков отставной офицер ГРУ, у него остались связи в военной разведке. Вообще-то, я не думаю, что здесь есть какая-то «политическая подстава»: к делу я был подключен по рекомендации моего хорошего знакомого, который обязательно почуял бы «второе дно» дела, если бы таковое имелось.

— А меня? — с подозрением поинтересовался я. — Кто меня подключил к делу?

— Это действительно пока не совсем ясно, — согласился Тавров. — Но возможно, что в скором времени прояснится. Я уже привел в действие свои связи от нашего МВД до Интерпола, и очень скоро начнет поступать информация.

* * *

Цветков знал меня по делу о пиратском ятагане, поэтому

через два дня он позвонил мне напрямую и сказал:

– Слава, привет! Я не могу дозвониться до Валеры, он почему-то недоступен. Но он сказал, что ты в курсе дела. Короче, речь идет об офисе 269 Государственного департамента США. Структурно Госдепартамент действительно поделен на бюро и офисы, но никакого офиса 269 там нет и не было.

– Да, но куда в таком случае попадал адресованный офису 269 пакет? – удивился я.

– Скорее всего, это просто почтовый ящик, используемый для корреспонденции, – пояснил Цветков. – Просто почтовый ящик для пересылки в США корреспонденции из любой точки мира, где есть американское посольство или консульство. Скорее всего, сидит там человек, который разбирает корреспонденцию и переправляет ее дальше по одному ему ведомым признакам, скажем, используя в качестве идентификаторов имена отправителей или получателей. Таким почтовым каналом для обеспечения конфиденциальности, быстроты и надежности доставки обычно пользуются частные организации, работающие на правительство США. Как правило, они не занимаются шпионажем как таковым. Удобство заключается в том, что, во-первых, отправитель и получатель обезличены, а во-вторых, используется дипломатический канал доставки информации, обеспечивающий высокую степень конфиденциальности.

– Это все понятно, – разочарованно отозвался я. – Штука

в том, что и отправители, и получатель нам известны. Но вот на кого работал получатель – это хотелось бы узнать!

– К сожалению, здесь я ничем не могу помочь, – вздохнул Цветков. – Сами понимаете, давать распоряжения внешней разведке я не имею возможности.

Я позвонил Таврову, но он был недоступен, и я поехал в офис, поскольку знал, что в конце дня он там обязательно должен появиться.

* * *

Когда я приехал в офис, Тавров уже сидел в своем кабинете. Очень удивился, узнав о своей мобильной недоступности, полез в карман за трубой и недовольно крикнул, увидев, что телефон отключен.

– Сам отключаться начал! – пожаловался Тавров. – Бывает, раза по три в день! И чего с ним делать?

– Новый купить, – посоветовал я.

– Да привык я к нему, – с досадой отозвался Тавров, бросая трубу на стол. – А новый еще осваивать надо. Так что – ну его к лешему! Кому надо, тот дозвонится.

– А вот Цветков не дозвонился! – мстительно сообщил я.

– Ну, так он же тебе позвонил, а ты в этом деле равноправный партнер, – парировал Тавров. – Давай выкладывай, что там Цветков нарыл.

Я вкратце сообщил Таврову о том, что представляет собой

так называемый «офис 269».

– Ожидаемо, – прокомментировал Тавров. Он проверил содержимое своего почтового ящика, пока я пил кофе, и с довольным видом сообщил:

– А вот мне прислали очень интересную информацию. Не знаю, насколько она важна, но вопрос к мистеру Причарду уже появился.

– Что за информация? – нетерпеливо спросил я.

Тавров выдержал паузу, не торопясь, отхлебнул кофе из кружки и только после этого сказал:

– Этот румынский коллега Причарда, некий Георгеску... помнишь?

– Разумеется!

– Так вот... Незадолго до смерти он приезжал в Москву и пробыл здесь шесть дней. Затем вернулся в Бухарест и через шесть дней был найден мертвым. Я уже организовал запрос румынской полиции по линии Интерпола о деталях смерти Георгеску, результатах вскрытия и все такое.....

– Может быть, он прилетал в Москву на встречу с Причардом? – предположил я. – Но почему Причард скрыл от нас этот факт?

– Думаю, что нам следует задать ему этот вопрос, – решительно заявил Тавров, берясь за телефон. – Теперь мы можем обвинить его в сокрытии информации и пригрозить пожаловаться нашему клиенту. Похоже, что Причард получал и, судя по всему, продолжает получать неплохие деньги за

свои исторические изыскания в Москве. Он явно не захочет терять свою кормушку и, я думаю, на этот раз будет полностью откровенным.

* * *

– Этого не может быть! – категорически заявил Причард. – Если бы Георgesку приехал в Москву, он обязательно поставил бы меня в известность. Ну, не любовница же у него здесь, в самом деле!

– Тем не менее это так, – твердо заявил Тавров. – Вот данные пограничного пункта аэропорта Шереметьево. Седьмого сентября господин Ион Георgesку прилетел в Шереметьево в полдень рейсом Аэрофлота и тринадцатого сентября также рейсом Аэрофлота из Шереметьево в восемь часов сорок минут вечера улетел обратно в Бухарест. А девятнадцатого сентября он был найден у себя дома с признаками насильственной смерти. Что скажете?

– Ничего, – пожал плечами Причард. – Для меня это неожиданность.

– Полагаю, для вас действительно будет неожиданностью, когда вам придется свернуть свои исследования и уехать из Москвы, – сумрачно сообщил Тавров. – Мы можем пожаловаться вашему работодателю на отсутствие с вашей стороны желания сотрудничать, и он после этого, скорее всего, прекратит сотрудничество с вами. Если же это не подейству-

ет, то вам просто аннулируют визу. Поверьте, я располагаю достаточными связями для этого, и вам придется покинуть Россию. А вашему работодателю вы нужны именно как специалист по России, так что...

Стрела попала в цель.

– Уверяю вас, господа, что мне абсолютно неизвестен факт приезда в Москву Георгеску! – растерянно воскликнул Причард. – Я понимаю, что это может оказаться крайне важно, но он мне никогда не говорил, что собирается приехать в Москву и уж тем более что он здесь был. Уверяю вас, что это правда!

– Предположим, что это так и господин Георгеску решил посетить Москву тайно, – холодно согласился Тавров. – Но что в таком случае могло заставить его пойти на это? Что могло случиться такого, что заставило Георгеску отправиться в Москву, в которой он никогда не бывал? И русского языка он практически не знал.

– Вы говорите, что он прилетал седьмого сентября? – задумчиво переспросил Причард. – А вы знаете, ведь действительно у меня был один разговор с ним где-то в конце августа. Да, точно!

Причард вскочил с дивана и бросился к компьютеру.

– Вот! Тут сохранилась наша переписка по этому вопросу.

– Вы уж расскажите, по какому вопросу, – предложил Тавров.

– Да-да, конечно! Дело в том, что в начале августа я по-

лучил письмо от некоего адресата, скрывшегося под ником Шерхан. Этот самый Шерхан сообщил мне, что является так называемым «диггером». Этим английским термином в России называют исследователей искусственных подземных сооружений. Шерхан якобы от нашего общего знакомого узнал о моих поисках артефактов, связанных с Еленой Волошанкой, и, в частности, привезенной Еленой в подарок своему мужу коллекцией оружия. Шерхан утверждал, что ему удалось вскрыть один из замурованных ходов в районе Кремля и там он якобы обнаружил сундук с оружием, относящимся к пятнадцатому веку. Он прислал мне фотографии этого оружия. Среди них была фотография весьма интересного наконечника копья. Поскольку меня интересовал именно наконечник копья, а Шерхана интересовали только деньги, я предложил ему купить все найденные образцы за пятьдесят тысяч евро. Но то ли Шерхан знал, что я ищу только наконечник копья, то ли действительно этот артефакт был отдельно помещен в деревянную шкатулку, но Шерхан предложил свои условия: сто тысяч евро за найденные кинжалы и отдельно триста тысяч евро за наконечник копья. Я попробовал торговаться, но он категорически отказался снижать цену, сославшись на то, что она и без того невысока.

– И что же вы предприняли? – спросил Тавров.

– Я сказал, что меня интересуют доказательства связи данного оружия с мужем Елены Волошанки великим князем Иванов Ивановичем Молодым или хотя бы доказатель-

ства того, что это оружие было привезено из Валахии или Молдавии. Шкатулка, в которой, по словам Шерхана, он обнаружил наконечник копья, судя по особенностям украшавшей ее резьбы, была несомненно русского происхождения. В общем, убедительных доказательств Шерхан представить не смог, и я отказался от сделки. Вот, я сохранил и письма Шерхана, присланные им по электронной почте, и присланные им файлы фотографий оружия и шкатулки.

– Это интересно, но не совсем понятно, какое отношение это имеет к поездке Георgesку в Москву, – заметил Тавров.

– Как непонятно? – удивился Причард и щелкнул мышкой. – Вот, смотрите. Желая отработать материал до конца, я переслал фотографии оружия Георgesку с просьбой дать заключение о возможной принадлежности этого оружия валашским или молдавским господарям. Георgesку буквально на следующий день прислал мне категорическое заключение о том, что оружие никакого отношения к молдавским или валашским господарям не имеет. Более того, по утверждению Георgesку, есть признаки, говорящие о том, что оружие изготовлено не ранее середины шестнадцатого века. А наконечник копья вообще является репликой знаменитого, хранящегося в венском дворце Хоффбург копья Судьбы и уже в силу этого не может являться боевым оружием. И вы знаете, в этом Георgesку прав! Вот фотография венского копья Судьбы, это фотография хранящегося в Кракове копья Судьбы, официально признанного копией венского. Видите?

Сходство всех трех наконечников несомненно, но они различаются в деталях.

– Мы, разумеется, слышали о копье Судьбы, – подтвердил я. – Его еще называют копьем Лонгина или копьем святого Маврикия. Насколько я знаю, помимо венского артефакта и его краковской копии, существуют еще ватиканская и армянская версии копья Судьбы, совершенно не похожие на венскую и краковскую.

– Все верно, – согласился Причард. – Георгеску высказал предположение, что найденный Шерханом наконечник копья является копией венского копья Судьбы, изготовленного по приказу царя Ивана Грозного с целью укрепления авторитета московского царя как повелителя Третьего Рима. Иван Грозный строил свое государство как преемника Римской и Византийской империй. Поскольку Священная Римская империя рассматривалась католическим миром как наследник Римской империи, то Московское царство считалось ее православным конкурентом в претензиях на наследство Великого Рима. Видимо, для московской копии копья Судьбы планировалось создать соответствующую легенду об истинном копье Судьбы, но почему-то это не было сделано. Видимо, в Смутное время кто-то из православных патриотов припрятал копию копья в подземелье до лучших времен.

– Да, но в таком случае данный наконечник копья все равно представляет исторический интерес, – заметил я.

– Но не такой большой, чтобы заплатить за него триста

тысяч евро, – возразил Причард. – Тем более что это всего лишь предположение, ничем не обоснованное. Если бы Шерхан представил оригинал артефакта и можно было бы провести его исследование, то, возможно, удалось бы найти заинтересованного покупателя. Но Шерхан категорически отказался это сделать. А нам платили за то, чтобы мы нашли копьё Дракулы. Так что заключения Георgesку оказалось достаточно, чтобы закрыть вопрос с приобретением артефакта у Шерхана.

– А вы переслали Георgesку только фотографии или перенаправили ему письмо Шерхана? – спросил я.

– Разумеется, перенаправил письмо! – заверил Причард. – Чтобы Георgesку был в курсе предыстории вопроса. Вот, вы сами видите это в папке «отправленные».

– То есть Георgesку вполне мог умышленно дать ложное заключение, а затем связаться с Шерханом напрямую, в обход вас, – заключил Тавров.

– Да, мог. Но зачем ему это понадобилось? – недоуменно почесал затылок Причард.

– Видимо, он решил вести свою собственную игру, – высказал я предположение.

– Ну, этим можно объяснить, зачем он приезжал в Москву, – согласился Причард. – Хотя непонятно, зачем ему это понадобилось. Неужели он нашел другого заказчика? Но тут я даже не могу предположить, кого именно.

– А что, если спросить Шерхана об этом напрямую? –

предложил я. – Насчет Георgesку?

– Попробуйте, – согласился Причард. – Вот его адрес: shergkhan@mail.ru. Но должен вас предупредить: я послал ему еще пару писем, в которых предложил оказать ему содействие в поисках надежного покупателя, который заплатит наличными и не будет задавать лишних вопросов. Понимаете, все-таки это артефакты определенной исторической ценности, и было бы лучше, если бы они попали в руки настоящих исследователей, а не случайных коллекционеров. Но он, к сожалению, не ответил на мои письма. То ли нашел другого покупателя, то ли просто решил прекратить со мной контакты.

– Или успел договориться с Георgesку, – проворчал Тавров. – Ведь не зря тот прилетал в Москву!

– Не могу отрицать такую возможность, – пожал плечами Причард. – Скажу честно: я считал Георgesку честным ученым и никак не ожидал от него двойной игры.

– Слава! – обратился ко мне Тавров. – Перепиши адрес этого Шерхана и попробуй с ним связаться по электронной почте. А вас, господин Причард, я убедительно прошу не удалять пока из компьютера вашу переписку с Георgesку и Шерханом.

– Я понимаю, – кивнул Причард. – Разумеется, я сохраню. А вы проинформируете нашего заказчика о том, что вам стало известно о действиях Георgesку? Я так понимаю, что с исчезновением господина Харриса вы стали главным коор-

динатором в этом деле.

– Вы правильно понимаете, – сухо заметил Тавров. – Поэтому настоятельно рекомендую вам ставить меня в известность обо всем, что хоть в малейшей степени может иметь отношение к делу или просто кажется вам подозрительным. Пример с Георгеску, я полагаю, достаточно показателен.

* * *

Я не стал откладывать в долгий ящик поручение Таврова и, придя домой, сразу уселся за компьютер. Войдя в почту, я задумался: а что написать этому диггеру Шерхану? Диггеры по жизни подозрительные люди, с замкнутым кругом общения. Как найти ключик, чтобы Шерхан отозвался? Поколебавшись, я решил предложить ему купить у него предметы, относящиеся к временам Ивана Грозного. Дабы усыпить все подозрения, я намеревался честно сослаться на Причарда. Позвонив Таврову и получив его одобрение на содержание письма, я с легким сердцем вошел в почту и принялся набирать адрес. И тут случилось такое, что повергло меня в замешательство. Уж этого я точно не ожидал!

Едва я набрал первые буквы адреса Шерхана, как умненький Яндекс услужливо высветил мне вариант. Всего один вариант адреса, который попадал в точку: shergkhan@mail.ru.

* * *

Я машинально щелкнул мышкой, подтверждая выбор, и некоторое время тупо смотрел на строку адреса, не веря своим глазам. Услужливость Яндекса означала лишь одно: я уже отправлял письмо по этому адресу! Но это невозможно! Нет у меня никакого знакомого Шерхана.

Глава 4

Поразмыслив, я решил изучить содержимое папки «отправленные». Я крайне редко очищаю папки в почтовом ящике, разве что только спам, и поэтому там должны были сохраниться все отправленные мной, как минимум в течение года, письма. И мои поиски увенчались успехом. Как выяснилось, я писал ответ на письмо этого самого Шерхана. Я торопливо открыл послание, прочитал текст, на который отвечал, и чуть не упал со стула. Текст был прислан тридцать первого декабря прошлого года и гласил: «Славка! Поздравляю тебя и твою семью с Новым годом! Желаю счастья и успехов во всем. Надеюсь, что в Новом году посидим конкретно в узкой компании. Твой однокурсник Сергей Шергин».

Вот так! Оказывается, загадочный диггер Шерхан есть не кто иной, как мой однокурсник Серега Шергин, которого убили прямо на моих глазах.

В моем сознании кое-что стало проясняться. Похоже, что меня подключили к делу только по одной причине: я был лично знаком с Шергиным, его убили у меня на глазах. А откуда наш с Тавровым заказчик мог это знать? Ну, так я же давал показания, как свидетель. Значит, у заказчика есть связи в наших правоохранительных органах. Теперь вопрос: зачем меня пристегнули к этому делу? Что, если этот наш заказчик и распорядился убрать Серегу Шергина, а теперь хо-

чет знать: не успел ли Серега меня посвятить в свои тайны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.